

Иллюзии чистого холста

Автор:

[Наталья Обухова](#)

Иллюзии чистого холста

Елена Александровна Обухова

Наталья Васильевна Тимошенко

Нормальное аномальное #13

Молодая петербургская художница всегда писала яркие картины, наполненные радостью и светом, но теперь в ее мастерской все больше полотен, на которые она сама боится смотреть. Она не помнит, как работала с ними, и все чаще ей кажется, что рядом с ней поселился кто-то чужой. В чем причина: в психическом заболевании или чьим-то дурном влиянии? Или же в ее квартире действительно завелось что-то потустороннее? В этом предстоит разобраться Войтеху и его друзьям. На этот раз ставки очень высоки: или они спасут девушку, или погибнут вместе с ней.

Наталья Тимошенко, Лена Обухова

Иллюзии чистого холста

Пролог

24 января 2015 года, 00.25

пр. Кима, Васильевский остров

г. Санкт-Петербург

- Что, даже на кофе не позовешь? – молодой человек обиженно надул губы.

Катя мысленно скривилась. Она и у женщин-то подобную мимику переносила с трудом, а человеку, называющему себя мужчиной, и вовсе не могла простить такого. Даже если бы она собиралась пригласить своего сегодняшнего ухажера в гости, то уже передумала бы.

- Я не пью кофе на ночь, – стараясь, чтобы в голосе не прорезалась брезгливость, ответила она. – Потом уснуть тяжело.

- Так я и не предлагаю тебе спать. – Молодой человек тут же перестал изображать обиду и игриво подмигнул ей.

- Все, спокойной ночи!

Не давая ему опомниться, Катя захлопнула дверь прямо перед его носом, порадовавшись, что, несмотря на солидный возраст дома, в парадной все же установлен кодовый замок, и навязчивый ухажер не последует за ней.

Вечеринка по поводу выхода из творческого кризиса скульптора Володьки Гарина неприлично затянулась, и время давно перевалило за полночь. Катя уехала одной из первых, а народ остался праздновать. Как бы после такой тусовки Володька не ушел в другой, гораздо более затяжной кризис. Впрочем, едва ли это как-то повлияет на его, с позволения сказать, творчество. Гарин был из тех, кто только языком трепать горазд, а на деле никто уже не помнил, когда он заканчивал хоть одно свое гениальное творение. Зато у него от бабки осталась огромная квартира в самом центре города, где было удобно устраивать разнообразные творческие и не очень вечеринки, поэтому его хвастовство и абсолютную бездарность ему прощали. Катя каждый раз клялась себе отказаться от очередного приглашения, но каждый раз его принимала. Не потому что ей нравились все эти пьяные люди, мнящие себя гениями, а потому что не хотела прослыть «дочкой богатого папы, забившей на своих закадычных

друзей, с которыми когда-то приехала в Питер искать вдохновения и признания». Правда, с тех пор прошло почти десять лет, а закадычные друзья, в отличие от нее, так и не повзрослели, да и признания особого не снискали.

Лифт поднимался на предпоследний этаж так долго и так протяжно при этом скрипел всеми несмазанными частями, словно высказывал ей все, что думает о таких поздних возвращениях домой, напоминая в этот момент соседку из квартиры напротив. Выйдя из лифта, Катя остановилась на секунду, прислушиваясь к звукам в той самой квартире, но за дверью стояла гробовая тишина. Либо старая сплетница уже легла спать, либо затаилась, понимая, что Катя давно заметила ее наблюдения за собственной персоной.

Дом, в котором Катя купила квартиру всего полгода назад, был довольно старым, построенным где-то в начале шестидесятых годов прошлого века. Хотя некоторые и утверждали, что по меркам этого города он еще достаточно молод. Большинство жильцов здесь родились и выросли, давно друг друга знали, и к каждому новичку относились настороженно. Для всей парадной, застывшей в прошлом веке, Катя была как бельмо на глазу: молодая, незамужняя, с горящим в окне по ночам светом и, прости господи, кошкой без шерсти. Или наркоманка, или проститутка – к гадалке не ходи. Пожалуй, с одной только соседкой с последнего этажа у нее и сложились более или менее дружеские отношения.

На всякий случай показав «глазку» неприличный жест, Катя направилась к своей квартире.

Резкий запах гари ударил в нос, едва только она открыла дверь. Катя остановилась, и не проходя в квартиру, и не отступая обратно. Между прихожей и просторной гостиной, соединенной с кухней, не было двери, а потому она хорошо видела желтую полоску света, протянувшуюся по полу от окна к стене, и никакого дыма в ее свете не заметила. Значит, в квартире ничего не горит. Опять кто-то жег бумагу перед вытяжкой, которая в старом доме работала неправильно. Такое уже случалось, поэтому Катя даже не удивилась. В этом доме постоянно что-то случалось.

Она осторожно вошла внутрь, прикрывая лицо теплым шарфом, и закрыла за собой дверь. В квартире стояла полная тишина, даже Анхе, чертовка лысая, не бежала ее встречать. Впрочем, это ленивое животное так и не признало в ней свою хозяйку, а потому никогда не встречало у порога, не мурчало у нее на руках и не приходило в поисках ласки, как делают все нормальные кошки.

Щелчок выключателем не привел к нужному эффекту: приходя так и осталась погруженной в темноту. Катя тяжело вздохнула, принявшись раздеваться, но тоже не удивилась. Свет в этой квартире часто ни с того ни с сего переставал включаться, а иногда зажигался среди ночи, поначалу доводя ее до нервной икоты. Дому сто лет в обед, чего от него ожидать? Но за большую двухуровневую квартиру, весь верхний этаж которой был оборудован под мастерскую, она простила бы ему что угодно. Дом был построен таким образом, что верхний этаж как будто делился пополам. Квартиры, выходившие окнами во двор, были самыми обычными, а те, которые смотрели на парк, выглядели как огромные студии без внутренних стен с окнами от пола до потолка. Когда-то их сдавали в аренду художникам, но теперь почти все помещения были выкуплены. Кто-то из предыдущих владельцев объединил верхнюю и нижнюю квартиры в одну, которая потом и досталась Кате.

Разувшись и скинув пальто, девушка наощупь прошла в ванную, вымыла руки и тут же направилась вверх. Даже без кофе спать еще не хотелось, и если свет все же включится, она сможет немного поработать, однако уже на верхней ступеньке она остановилась. Здесь запах гари стал меньше, зато заметно тянуло холодом. Она точно помнила, что не открывала сегодня окна, и уж тем более не оставила бы их незапертыми в мастерской. Неконтролируемая влажность картинам вредна, а в этом городе за ее контроль не могут отвечать даже синоптики. Тем более с самого утра шел снег, а старое окно во всю стену открывалось либо полностью, либо никак.

Катя быстро вошла в мастерскую и увидела распахнутое настежь окно. Если теперь старая задвижка не удерживает его, то, возможно, ей все же стоит пересмотреть свою любовь к этой квартире. Или же поменять окна на современные, как давно советовал отец. Кате очень нравились эти старые деревянные рамы с потрескавшейся краской, поэтому следовать его совету она не спешила.

Захлопнув раму и вернув задвижку на место, она вдруг замерла, подсознательно отмечая нечто странное. Медленно опустила голову и в желтом свете фонаря увидела на узком пороге под окном как будто выжженные следы чьих-то рук. Тонкие длинные пальцы хватались за край деревяшки снаружи, словно кто-то, раскаленный добела, влезал в ее квартиру. Не входил, а именно вползал. Сердце пропустило удар и тут же усиленно застучало в животе, а ноги подогнулись от слабости. Катя поняла, что на первом этаже пахло именно жженой древесиной, а не бумагой. Еще медленнее, чем до этого, она обернулась, разглядывая другие

следы от ладоней. Неизвестное существо влезло через окно и, видимо, на четвереньках поползло по комнате в дальний угол, где стоял мольберт с натянутым на подрамник холстом, еще чистым, но уже подготовленным к написанию картины.

Катя вскрикнула и дернулась в сторону, увидев, как на полу появляются новые следы. Невидимое существо все еще находилось в студии и неторопливо ползло к мольберту, оставляя за собой выжженный паркет. Снова запахло гарью. Нужно было бежать, но Катя не могла сдвинуться с места. Ноги приросли к полу, а руки судорожно скребли по стеклу за спиной. Она чувствовала, как по щекам текут слезы ужаса, а сердце колотится так сильно, что сотрясает ударами все тело. Спящая в кресле Анже вдруг подскочила с места, выгнула спину и зашипела, но убежать тоже не торопилась.

Существо наконец добралось до мольберта, ухватилось длинными пальцами за ножки и начало подниматься вверх. Почернел и оплавился край холста, а затем на нем начали появляться непонятные линии. Они вспыхивали на мгновение искристым огнем, но тут же гасли, оставляя после себя все те же выжженные следы. Катя вдруг поняла, что существо... рисует?

Наверное, она все-таки умерла бы от ужаса, если бы в этот момент не услышала знакомый голос:

– Катюша?

Линии на картине мгновенно остановились. Катя обернулась и увидела на пороге комнаты Антонину Семеновну, ту самую соседку, с которой поддерживала дружеские отношения. Квартира Антонины Семеновны находилась на том же этаже, что и Катина мастерская, но выходила окнами во двор.

– С вами все в порядке? Я вышла мусор вынести, а у вас дверь распахнута.

Катя торопливо огляделась, пытаясь понять, какой именно мусор выносила соседка в первом часу ночи и как дверь в мастерскую, которую она не открывала, может быть распахнута, и вдруг обнаружила, что через большое окно комнату заливают яркий солнечный свет. Она взглянула на часы, обнаруживая, что те показывают девять утра.

– Все... в порядке, – выдавила она из себя.

Соседка неодобрительно покачала головой.

– Вы бы прогулялись, сегодня такая хорошая погода: морозно, но солнышко светит. Совсем себя изведете своей работой.

Катя судорожно кивнула, с трудом понимая, о чем она говорит, а затем увидела разбросанные по полу краски. Ее ладони оказались измазаны чем-то черным. Она поднесла руки к лицу и принюхалась. Это определенно была акварель. Катя торопливо подбежала к холсту и наклонилась к нему. Черные линии тоже пахли акварелью. Так что же это – она сама нарисовала? И не кистью, а руками?

Она посмотрела на порожек под окном, но на старой облупившейся белой краске не было никаких следов. Как не было их и на полу, и на ножках мольберта. Она шумно выдохнула и снова повернулась к застывшей столбом соседке, но стоило ей сделать шаг в сторону, как спящая в кресле Анхе подскочила, выгнула спину и зашипела. Не то на нее, не то в пространство. Катя дернулась обратно к мольберту, но тут же остановила себя. Чертова кошка просто испугалась ее резкого движения. Никого, кроме нее и соседки, в комнате не было и быть не могло.

Глава 1

28 апреля 2015 года, 12.45

г. Москва

– Нас прислали за господином Дворжаком. Вам ничего не грозит. Вам просто нужно пойти с нами...

Когда подобную фразу говорит накачанный мужчина под два метра ростом, рядом с которым стоит еще один такой же, похожий на него как брат-близнец,

трудно сохранять спокойствие и самообладание. Однако Войтех знал, что мужчина не врет. Обострившаяся до неприличия интуиция подсказывала, что ему действительно нечего опасаться. По крайней мере, пока.

Он видел, как Нев соединил кончики пальцев и вопросительно посмотрел на него. Войтех понимал, что тому хватит секунды, чтобы избавить их от проблемы в виде черного Гелендвагена и двух внушительных близнецов с короткими стрижками и в строгих костюмах. Однако в ответ на взгляд Нева он только едва заметно качнул головой и медленно поднялся из-за стола.

– Я к вашим услугам, господа.

– Войтех?..

От внимания Лили не укрылся его обмен взглядами с Невом, в голосе ее звучала тревога, но стоило ему остановить ее жестом, как она тут же замолчала, признавая за ним право решать, как поступить.

А вот Саша, конечно, тут же вскочила на ноги и спросила, может ли она поехать с ним. Наверное, ему было не суждено понять эту женщину и ее логику. По крайней мере, он не представлял, зачем ей ехать с ним. Чем она в случае чего сможет помочь?

К счастью, ей не разрешили. Войтех видел волнение в ее взгляде и чувствовал ее страх, поэтому постарался уверенно улыбнуться, коснувшись ее руки.

– Все будет хорошо, – заверил он. – Оставайся с остальными.

Он не любил обещать то, в чем сам не был уверен, но сейчас почти не сомневался, что все действительно будет хорошо. Или хотя бы правильно.

Его проводили к машине и предложили сесть на заднее сиденье. Именно предложили, а не заставили – его сопровождающие вели себя с ним строго, но вежливо.

И все же когда дверца машины захлопнулась, отгородив его железом и тонированным стеклом от оставшихся на летней веранде кафе друзей, Войтеху

снова стало не по себе. Он не любил терять контроль над ситуацией, а на заднем сиденье чужой машины, один против троих крепких мужчин, к тому же без оружия, он ничего не мог контролировать.

Они ехали довольно долго. Войтех жил в Москве уже не первый год, но совсем в другом районе, поэтому не ориентировался и не понимал, куда его везут. Сопровождавшие его мужчины молчали, не переговариваясь даже между собой, и он сам тоже не задавал вопросов, понимая, что не получит ни одного конкретного ответа. Ему оставалось уповать на интуицию, которая убеждала его, что эти люди никак не связаны с ЗАО «Прогрессивные технологии», на которое он работал последние три года. Об этом говорил и тот факт, что его сопровождающие не взяли с ними Ивана, который взломал счета ЗАО и вычистил с них деньги. К тому же они явно ничего не знали о Неве, иначе вели бы себя с ним по-другому. Стало быть, их послал не Директор, убить которого Войтеху не хватило духу.

Когда машина наконец сбросила скорость и припарковалась, Войтех не имел ни малейшего понятия о том, где находится. Он даже не был уверен, что они все еще в Москве. Несколько раз он слишком глубоко погружался в свои мысли, прислушиваясь к внутренним ощущениям, поэтому вполне мог пропустить момент, когда они выехали за МКАД.

Место, в котором они оказались, походило на городской лесопарк: деревья здесь росли довольно хаотично, но при этом между ними петляли ухоженные дорожки, по краям которых стояли скамейки и мусорные урны. Парк казался пустынным, несмотря на солнечный теплый день. Вероятно, они все же оказались на какой-то окраине, не в самом популярном месте. Выйдя из машины, Войтех быстро оглянулся, но ближайшие жилые дома виднелись слишком далеко. Рядом с их Гелендвагеном было припарковано всего две машины: точно такая же, как та, на которой привезли его, и еще один Мерседес – черный Майбах. На обеих машинах стояло по «мигалке», в каждой сидел только водитель.

Двое мужчин, с которыми он приехал, попросили его – снова строго, но вежливо – следовать за ними. При этом вперед пошел только один, второй предпочел идти за Войтехом, словно боялся, что тот сбежит. Почему-то это предположение насмешило его: следовало быть совсем уж отчаянным, чтобы попытаться сбежать в такой ситуации.

Они прошли по тропинке около сотни метров и свернули в сторону, оказавшись на такой же пустынной алее. Здесь тоже через каждые пятьдесят метров стояли аккуратные лавочки, но только на одной из них сидел мужчина. Вокруг его лавки, то убегая в лес, то возвращаясь обратно, радостно носился рыжий кокер-спаниель.

Один из охранников жестом предложил Войтеху пройти к лавке, что он и сделал, но уже в полном одиночестве. Когда он подошел, сел и снова оглянулся по сторонам, никого из охраны уже не было видно: они словно растворились в воздухе, бесшумно и не привлекая лишнего внимания. Хотя едва ли здесь можно было привлечь чье-то внимание, кроме снующих по стволам деревьев белок. Войтех понимал, что охрана никуда не делась, и стоит ему повести себя неправильно, он с этой лавки может и не встать.

– Добрый день, господин Дворжак, – поздоровался с ним мужчина, не поворачивая к нему головы, вместо этого глядя снова подбежавшую к нему и вставшую лапами на лавку собаку.

– Добрый, – согласился Войтех. – Не сочтите за грубость, но я не знаю, как к вам обращаться.

Его голос прозвучал ровно, ни грамма волнения в нем не отразилось. Наверное, потому что с того момента, как Войтех увидел собаку, он окончательно успокоился. Хозяин рыжего кокер-спаниеля не внушал угрозы.

– Можете никак не обращаться, – разрешил мужчина.

На вид ему было около пятидесяти, но могло быть и ощутимо больше: незнакомец относился к тем людям, которые следят за собой – и за внешностью, и за здоровьем. У него были густые и очень светлые волосы, седина в таких терялась, скрадывая несколько лет, гладко выбритое лицо, ухоженные руки. Любые недостатки фигуры прятал великолепно сидящий на нем костюм, а дорогие ботинки не подходили для прогулок по лесу. От мужчины веяло уверенностью и властностью, что было неудивительным для человека с двумя машинами охраны.

– Хорошо, обойдемся без имен, – легко согласился Войтех. – Зачем я вам понадобился? Вы, очевидно, хорошо меня знаете, но я не представляю, чем я

могу быть полезен человеку вроде вас.

Собака, громко залаяв, вновь унеслась прочь за очередной белкой, а мужчина наконец посмотрел на Войтеха. И даже улыбнулся. По крайней мере, его губы скривились в улыбке. Мутно-серые глаза оставались при этом холодными.

– Да, я хорошо вас знаю, – подтвердил он. – Я знаю, что некоторое время вы были тесно связаны с одной организацией, которая занималась... нестандартными задачами. Я знаю, что вы проводили для них расследования с определенной спецификой. Вы ловили некроманта в Санкт-Петербурге, искали пропавших на год людей в Красном Яре, нашли древний портал в другой мир в Научном городке в Тверской области. Вы даже засветились в родной Праге, когда в Староновой синагоге произошло весьма brutальное убийство археологов, изучавших подземный лабиринт. Наверняка у вас была еще масса эпизодов, но это те, о которых известно мне.

Внешне Войтех никак не изменился, как минимум, он на это очень надеялся, но внутри пробежал неприятный холодок. Интуиция ошиблась: его привезли сюда из-за ситуации с ЗАО.

Однако паниковать было поздно, поэтому он постарался проигнорировать надвигающийся страх, мерзкой волной поднимавшийся по спине к затылку. Сейчас ему это удалось достаточно хорошо.

– Я также знаю и то, что с той организацией ваши пути разошлись, – продолжил мужчина, когда Войтех промолчал на его первые заявления. – И как ни странно, хуже от этого стало не вам, а им... что уже само по себе заставляет вас уважать.

Это было настолько неожиданно, что Войтех, до сих предпочитавший смотреть вперед, скользя взглядом по деревьям, покрытым свежей листвой, резко повернул голову к собеседнику. Если его сюда привезли наказать за то, что он сделал, то мужчина определенно начал очень уж издалека и вел разговор странным путем.

Незнакомец усмехнулся, заметив его реакцию, и покачал головой.

– Расслабьтесь, Дворжак. Мне нет дела до того, что вы натворили. Пока нет. Я пригласил вас сюда, чтобы попросить вашей помощи.

- Пригласили? – с нервной насмешкой переспросил Войтех.

- Как мог – так и пригласил, – ничуть не смутился мужчина.

- Так какая помощь вам нужна?

Его собеседник на время снова отвернулся, уделив внимание подбежавшей к ним собаке. По тому, как долго он с ней возился, не желая отпустить, Войтех понял, что грядущий разговор его угнетает, и он просто тянет время, чтобы как можно дольше его не начинать.

Однако чрезмерно активное животное в конце концов снова унеслось прочь. Мужчина вздохнул и сказал:

- У меня есть дочь. Уже взрослая, ей двадцать восемь, живет в Питере. И в последнее время ее что-то преследует. Я хочу, чтобы вы выяснили, что это.

Он произнес это так быстро и четко, что сразу стало понятно: эту фразу он готовил заранее, формулировал и оттачивал в голове.

Войтех вопросительно приподнял брови, давая понять, что ему нужно немного больше информации, но собеседник, бросив на него мимолетный взгляд, покачал головой.

- Это все, что я могу вам сказать. Остальное вы должны выяснить сами.

Даже Директор давал ему больше информации. Войтех помолчал немного, но все же решился уточнить:

- Что именно вы имеете в виду, говоря, что вашу дочь преследует «что-то»?

- Мне кажется, в таких вещах вы должны понимать больше меня, – недовольно процедил мужчина.

- Хотя бы как это выглядит?

Он пожал плечами.

– Я это не видел. Да и дочь заикнулась всего один раз. Давно, еще зимой. Больше не рассказывала. Я сначала понадеялся, что это прошло, а потом понял: нет, все стало только хуже, но она боится говорить об этом.

– Что именно она рассказала в тот раз? – не унимался Войтех. Ему нужно было получить хотя бы минимальные сведения. Пока слова мужчины выглядели несколько... странно, и как начинать расследование с такими вводными данными, он не представлял.

Мужчина нахмурился, поджав губы. Было видно, что ему нелегко дается эта тема, но он все-таки рассказал:

– Она говорила, что ей мерещится какое-то существо, поселившееся у нее дома. Сверхъестественное существо. Говорит, оно заставляет ее рисовать страшные картины.

– Рисовать картины? – удивился Войтех.

– Моя дочь – художница. И последнее время она действительно стала рисовать несвойственные ей картины. Все в черном цвете, мрачные, депрессивные. Она стала грустной и замкнутой. Почти перестала общаться с друзьями. И с нами.

– Замкнутость, видения, странные картины... – подытожил Войтех. – Это может быть психическое расстройство. Или наркотики. Почему вы обратились ко мне?

Мужчина снова посмотрел на него, на этот раз взгляд его казался вполне свирепым. Ему определенно не понравилось предположение Войтеха.

– Я обратился к вам, потому что другие тоже твердили про психику и наркотики, – отчеканил он. – Но мои люди следили за ней: никаких наркотиков, никаких странных знакомств, а причин сходить с ума у нее нет. Я обратился к вам, потому что человек, утверждавший, что видел НЛО, должен уметь искать другие объяснения подобным видениям. И вы его найдете, потому что в противном случае и вы, и ваши друзья ответите за все свои художества с ЗАО «Прогрессивные технологии». А если найдете, то я навсегда избавлю вас от

возможных проблем, с ними связанных. Такая вот сделка, господин Дворжак. Я могу как спасти вас и ваших людей, так и уничтожить. Выбор за вами.

Наверное, ему стоило испугаться, но Войтех почему-то только улыбнулся. Немного грустно, потому что в этот момент отчаянно позавидовал неизвестной девушке: если бы его отец в свое время так отреагировал на рассказ об НЛО, вся его дальнейшая жизнь могла сложиться совершенно иначе.

– Знаете, совершенно необязательно угрожать человеку, чтобы чего-то добиться от него, – заметил Войтех. – Необязательно запугивать его охраной и встречаться в пустынном парке как в дурном фильме про шпионов. Необязательно пытаться его купить. Но я принимаю условия вашей сделки. И с удовольствием займусь делом вашей дочери. Только мне потребуется от вас все возможное содействие.

– У вас будет все, что вы попросите, – заверил мужчина, заметно смягчившись. – Деньги не имеют значения. Все, что можно на них купить, будет вам предоставлено. И любая имеющаяся у меня информация тоже.

– Хорошо. Тогда для начала попросите своих ребят вернуть меня в кафе к друзьям.

Мужчина снова покачал головой.

– Нет, ребята отвезут вас сразу на вокзал. У вас поезд скоро. Позвоните друзьям, пусть захватят ваши вещи и присоединяются к вам. На сборы у них не больше часа. Кое-какую информацию о моей дочери я вам сейчас пришлю на почту, будет время изучить в поезде.

С этими словами он поднялся со скамейки, неожиданно пронзительным свистом подозвал к себе собаку и пошел прочь.

28 апреля 2015 года, 15.22

Ленинградский вокзал

– Какой вагон он сказал? – на ходу спросил Ваня, быстро шагая по платформе, на которой толпилась куча не менее спешащих в разных направлениях людей.

– Первый, – подсказала Лиля, с трудом поспевающая за ним на высоких каблуках.

– Да блин, это через всю платформу пилить, – простонал Ваня. – Меньше десяти минут до отправления... Погоди, – он внезапно остановился как вкопанный, отчего Лиля, бегущая по его пятам, не успела затормозить и налетела на него, ударившись плечом в объемный рюкзак за его спиной и зацепившись длинными белокурыми волосами за застежку.

– Блин, Ваня!..

– Первый вагон? – повторил тот, не обратив на нее внимания. – Это же первый класс. Шикует парниша.

– Помнится, всего несколько часов назад вы и сами планировали заказать самое дорогое шампанское в ресторане, – хмыкнул Нев, обгоняя его. Он вез только Лилин чемодан, поскольку все его вещи и так находились в Питере, откуда его так внезапно «увезли», а попросту говоря – похитили – одиннадцать дней назад.

– Справедливо, – кивнул Ваня, снова ускорившись. Им предстояло преодолеть сквозь толпу еще половину состава.

Саша, тащившая за собой неудобный чемодан на колесиках, найденный в глубинных недрах Ваниного шкафа, только молча отбросила со лба влажную кудрявую прядь волос. Она прилично запыхалась и участвовать в разговоре не могла физически. Большая часть ее вещей тоже находилась в Питере, поскольку родной город она покинула тогда же и таким же путем, как и Нев, но Ваня нагрузил свой рюкзак и большую сумку немислимым количеством техники, поэтому помочь ей с немногочисленными вещами Войтеха не мог. По крайней мере, чемодан можно было везти по перрону, а не тащить в руках.

Кроме неудобного чемодана, ее волновал вопрос, как они попадут в вагон. Паспорта имелись только у Сидоровых, да из квартиры Войтеха Саша прихватила его. Паспорт Нева остался в Санкт-Петербурге, где был ее

собственный – оставалось только гадать. За несколько дней до похищения она положила его в сумку, хотя обычно, как и Лиля, из документов предпочитала носить с собой только водительское удостоверение. Но она ждала посылку, для получения которой нужен был паспорт, а потому решила на время взять его. Куда похитители дели ее сумку, она не знала, но подозревала, что едва ли еще когда-нибудь увидит ее.

К нужной двери они подошли за пять минут до отправления. Конечно, в вагон первого класса не толпилась очередь опаздывающих, как в другие вагоны, поэтому Лиля и Ваня сразу сунули проводнику в форме свои паспорта, внутренне немного нервничая. Еще утром никто из них никуда не собирался, билеты они в глаза не видели и в первом классе никогда не ездили. Не то чтобы не могли себе этого позволить, просто в голову не приходило переплачивать.

Проводник взглянул на фамилии, но номера паспортов, как делается обычно, вбивать не стал, а сразу пригласил их войти. Нев и Саша только рты открыли, чтобы сказать, что у них паспортов нет, как проводник уже махнул рукой и им, предложив Саше помощь с чемоданом.

Все еще разгоряченные спешкой, они торопливо ввалились в вагон, но тут же удивленно замерли: тот был абсолютно пуст. Все девятнадцать мест первого класса. Только через несколько секунд Ваня заметил макушку Дворжака, торчащую из-за спинки одного из кресел. Он сидел почти в самой середине вагона, в одиночном кресле у окна. На пластиковом столике перед ним стояла чашка кофе.

Поставив на пол тяжелую сумку с ноутбуками и сняв с плеча рюкзак, Ваня пошел по широкому проходу, на ходу интересуясь:

– А что, больше никто не поехал первым классом?

Войтех обернулся, убедился, что все его друзья в вагоне, и улыбнулся.

– Те, кто собирались поехать здесь, поедут на поезде, который отправится через десять минут. С извинениями от РЖД и полным возмещением стоимости купленного билета.

Ваня остановился, так и не добравшись до намеченного кресла, и удивленно уставился на Войтеху.

– Слушай, если мы будем так казенные бабки разбазаривать, нам их надолго не хватит.

– Я бы сказал, что меня оскорбляет твое предположение, если бы не знал наверняка, что тебе это доставит удовольствие, – хмыкнул тот. – Поэтому просто уточню: не я это придумал, не я это оплачиваю. Так что вы проходите, располагайтесь. А можем сразу пройти в переговорную, – он указал рукой вперед по ходу поезда на стеклянную перегородку, которая отделяла небольшое купе от остального вагона. Кофе кто-нибудь хочет? Еще предлагали вино и пиво, но вы знаете мое отношение к местному пиву.

Ваня презрительно фыркнул на это заявление и сразу же направился в сторону переговорной. Остальные потянулись за ним. Вагон первого класса был оборудован для удобства и уединения пассажиров, кресла здесь располагались таким образом, что собраться группой в пять человек оказалось сложно. Зато четыре кресла и диван вокруг столика в переговорной позволяли обсудить предстоящее дело с не меньшим комфортом, но всем вместе.

Саша заняла место у окна, Ваня пристроился рядом, Нев и Лиля сели напротив них, оставив Войтеху диван. Теперь, когда суматоха быстрых сборов и поездка на вокзал наперегонки с красными светофорами и московскими пробками остались позади, они смогли наконец расслабиться и удивиться еще сильнее. Все же ни разу за три года их расследования не начинались с таких... условий.

Телефонный звонок практически похищенного из кафе Войтеху заставил их напрячься. Они ожидали чего угодно: от требований вернуть все украденные деньги ЗАО до указания места, где по частям смогут собрать как пазл своего любимого чеха, но никак не известия о новом расследовании.

Когда стюард принес всем по чашке кофе – от вина и пива все же пришлось отказаться, – поезд уже тронулся, и за окном замелькали опоры мостов, унылый забор, которым были отгорожены железнодорожные пути, станции пригородного сообщения, какие-то низкие постройки неизвестного никому назначения. Ваня наконец не выдержал:

– Давай, рассказывай все поскорее, – велел он Войтеху. – Потому что я, конечно, наказал Костику поливать в моей квартире цветы, но нутром чую, что он такой же бестолковый, как и ты, погубит все мои фиалки.

Лиля фыркнула, прекрасно зная, что никаких фиалок у Вани дома никогда не было, а Долгов остался в его квартире, потому что никто из них не был уверен в безопасности друг друга, но тоже добавила:

– В первую очередь меня интересует, что это за таинственный заказчик, оплативший нам весь вагон первого класса.

– Это один из тех вопросов, на которые я не могу дать ответ, – спокойно сообщил Войтех и, заметив напряжение на их лицах, пояснил: – Я сам пока не знаю. Но дочь этого человека зовут Катерина Ляшина, она художник, живет в Санкт-Петербурге, и ее якобы преследует сверхъестественная сущность. Нас настоятельно попросили выяснить, что за сущность и как от нее избавиться. Как вы понимаете, – он обвел выразительным взглядом переговорную в вагоне первого класса, – я не смог отказать человеку с двумя Гелендвагенами охраны.

– Ну, положим, зная имя дочурки, всю подноготную о папеньке я вам еще до приезда в Питер выясню, – махнул рукой Ваня, откинувшись на спинку удобного кресла.

– Никто в тебе не сомневается, – выразительно посмотрела на него сестра. – Только ты бы поосторожнее сейчас, и так вляпались по самую макушку.

– Во что вы нас опять втянули, Войтех? – Нев улыбнулся настороженно, но дружески.

– Этот человек все знал про ЗАО, – Войтех пожал плечами. – Так что, к сожалению, мы все еще расхлебываем последствия моей ошибки трехлетней давности. Но он сказал, что если мы поможем его дочери, вопрос с ЗАО для нас будет закрыт навсегда.

– А если нет? – поинтересовался Ваня.

Выразительный взгляд Войтеха стал лучшим ответом. Все и так поняли, что с ними будет, если они не помогут неизвестной пока девушке. В переговорной повисла напряженная тишина, которую снова прервал Войтех.

– Зато мы можем ни в чем себя не ограничивать, – нарочито бодрым тоном сказал он. – Где предпочитаете поселиться? Хилтон? Four Seasons? Что из этого есть в Питере? Я не очень в курсе.

– В Питере надо селиться в «Астории», неуч, – таким же искусственно веселым тоном поддел Ваня. – Если опять придется сбегать через окно, там ковры длинные.

– Лично у меня в этом городе есть квартира, – напомнила Саша. – Там я и предпочту остановиться. И у меня в гостиной есть диван, если кому-то нужно. – Последнюю фразу она постаралась произнести равнодушно, ни на кого не глядя.

– У меня, как ни странно, в Питере тоже есть квартира, – присоединился к ней Нев и посмотрел на Лилю.

– И я как-то уже привыкла в ней останавливаться, когда бываю там, – та улыбнулась ему, испытывая непривычное облегчение от того, что у нее больше не осталось от этих людей никаких тайн.

Ваня скрипнул зубами, смерив сестру недовольным взглядом, потом перевел его на Нева.

– Что, в вашей гостиной тоже есть диван? – язвительно поинтересовался он.

– В моей спальне есть широкая кровать, – с ледяным спокойствием парировал тот.

То ли Ваня вспомнил утренние угрозы Нева, то ли ему просто надоела эта тема, но он предпочел ничего не отвечать, вместо этого снова повернувшись к Войтеху.

– Ты на Сашкин диван претендуешь или я могу его занять, если в «Астории» мест не найдется?

На Сашином лице не дрогнул ни один мускул, и едва ли кто-то в переговорной догадывался о том, каких усилий ей это стоило. Тем не менее она спокойно посмотрела на Войтеху, ожидая его ответа.

– Я думаю о том, чтобы снять квартиру поближе к дому, где живет эта Катерина, – ровно и безэмоционально сообщил Войтех, не глядя на Сашу. – В идеале – в том же доме, но можно и в соседнем. Я уже попросил заняться поисками, – он неопределенно кивнул в сторону пустого вагона. – Так будет удобнее всем, я полагаю. И я бы предпочел, чтобы ты жил со мной, квартира будет двухкомнатной. Скорее всего, нам придется установить видеонаблюдение, ты будешь мне нужен.

Ваня перевел взгляд на Сашу.

– Извини, Айболит, но я не могу отказать Дворжаку, когда он так просит.

Та лишь молча пожала плечами, делая вид, что ей все равно. Впрочем, видеть на своем диване Ваню она действительно не жаждала и предлагала квартиру не ему.

– Ты не можешь отказать только младшему Дворжаку, я полагаю? – не удержалась вместо нее Лиля. Ваня полоснул ее взглядом, но она только усмехнулась. – Катерина нас ждет? Она готова к сотрудничеству? Какая информация об этом существе уже есть? И вообще, какой у нас план?

– Пока неизвестно, существо это или сущность, – педантично уточнил Войтех. – И Катерина о нашем расследовании ничего не знает. Она даже с собственным отцом об этом говорить не хочет. Поэтому работаем опять под прикрытием. Только не изображаем из себя большую дружную семью, – он криво улыбнулся, вспоминая их расследование в Нижегородской области год назад.

– А кого же мы будем изображать? – нахмурился Нев. – Кому девушка расскажет о сверхъестественных событиях в ее жизни?

– Я надеюсь, что нам поможет «синдром попутчика», – предположил Войтех. – Познакомлюсь с ней, постараюсь вызвать на откровенность. Случайным компаньонам в баре порой рассказывают куда больше, чем родителям.

– А ты ей еще про НЛО расскажи, это сразу к тебе расположит, – посоветовал Ваня.

– А остальным что делать? – поинтересовалась Саша. – Пока ты будешь с ней знакомиться.

– Наверное, стоит узнать о ней подробнее, – предложила Лиля. – Чем увлекается, с кем общается. Войтех прав, родителям не рассказывают много, и не только о неведомых сущностях. Я могу взять это на себя.

– Для начала надо будет изучить ее образ жизни, чтобы понять, где и как мы сможем познакомиться. Я постараюсь попасть к ней в квартиру и... – Войтех неопределенно махнул рукой в тонкой матерчатой перчатке, – что-нибудь почувствовать. Как я уже говорил, попытаемся установить за ней видеонаблюдение, но для этого мне нужно будет увести ее из квартиры, чтобы она внезапно не вернулась и не застала нас за этим делом. А потом уже будем думать, что делать дальше.

– Вот и отлично! Тогда у нас есть еще, – Ваня посмотрел на часы, – больше трех часов дороги. Я успею и инфу о папеньке нарыть, и вздремнуть. Я немного переволновался. – Он поднялся, чтобы выйти из переговорной, но остановился у двери, оглянулся на Войтеха и добавил: – Не за тебя, конечно.

– Едва ли тебя в этом кто-то мог подозревать, – усмехнулась Саша.

– Кстати, а пожрать в первом классе дают ту же дрянь, что и для холопов?

– Обещали комплексный обед, – Войтех сдержанно улыбнулся. – Думаю, скоро должны подать. Но что там, я не знаю. Никогда не ездил первым классом.

Ваня потянулся, придирчиво оглядываясь по сторонам, и улыбнулся.

– А что? Мне нравится. Если еще покормят нормально, предлагаю так и ездить. Денег у ЗАО было много, сейчас художницу спасем, папенька ее нас прикроет. Заживем, наконец!

- Или можно завести собственный поезд, – улыбнулся Нев. – Раз уж мы теперь крутые.

- Лучше сразу самолет, – фыркнула Лиля. – На поезде ездить дольше. И не везде есть рельсы.

- Не хочу тебя расстраивать, сестренка, но аэродромы тоже есть не везде, – заметил Ваня.

- Я подумываю о мобильной лаборатории, как у... – Войтех вовремя прикусил язык, поймав взгляд Нева. – Кхм, я в кино такую видел.

- М-да, тратить деньги – не зарабатывать, – Ваня снова потянулся и открыл дверь переговорной. – Ладно, развлекайтесь, у меня дела. Кстати, в мобильной лаборатории обязана быть койка, спроектируйте ее там.

- И кофемашина, – добавила Лиля, с грустью глядя в давно опустевшую чашку.

- И шкафчик для хранения шоколадок, – продолжил список Войтех.

- Лучше сразу большой холодильник! – крикнул из вагона Ваня.

- Я требую хороший медицинский шкаф! – рассмеялась Саша. – А лучше целый отсек. Кстати, туда же можно поместить койку и шкафчик с шоколадками.

- Я, пожалуй, начну записывать, – улыбнулась Лиля. – А то забудем потом половину.

- Думаю, нам нужен еще кофе, – Войтех пересел на место Вани рядом с Сашей и нажал кнопку вызова стюарда. – Проектирование мобильной лаборатории – дело ответственное. Лиля, ты записываешь?

Под насмешливым взглядом Войтеха Лиля достала смартфон и открыла приложение для заметок.

Глава 2

29 апреля 2015 года, 16.28

г. Санкт-Петербург

В родном городе Саша первым делом заехала к родителям, чтобы взять запасные ключи от своей квартиры. Ее связка осталась в сумке, которая исчезла в момент похищения. Саша подозревала, что сумку вместе с ней доставили в лабораторию, где она и закончила жизнь в момент взрыва. Вместе с ключами от квартиры, машины и всеми документами.

Саша предпочла бы взять ключи у Максима. Он жил ближе, и от него у нее всегда было меньше тайн, чем от родителей, но он не брал трубку. Ей повезло хотя бы в том, что мама была дома одна.

– Настя купила новую мебель, поэтому отец вместе с Максимом и его отцом уже второй вечер там. Собирают, – пояснила по телефону мама немного раздраженно, из чего Саша сделала вывод, что она недовольна таким положением вещей.

Муж Насти, младшей сестры Макса, был человеком совершенно непригодным к хозяйству, поэтому она даже не удивилась.

– А где твои ключи? – спросила мама, когда Саша вошла в прихожую.

– Потеряла.

– Потеряла? В девятом часу вечера?

Саша поняла, что быстро забрать ключи и уйти не получится.

– Я не знаю, когда их потеряла, просто я только что из Москвы.

Мама несколько секунд разглядывала ее внимательным взглядом, а затем захлопнула дверь и потянула ее к шкафу, где хранилась верхняя одежда.

– Ну-ка, раздевайся и рассказывай. У тебя новый номер телефона, новая куртка, и ты потеряла ключи. Саша, что происходит?

– Да ничего не происходит, – как можно легкомысленней отмахнулась та. – Я потеряла телефон вместе с ключами. А куртку давно купила, просто ты ее не видела.

На самом деле куртку она действительно купила всего лишь на прошлой неделе. Из лаборатории Саша, как и Нев, сбежала в одной только больничной пижаме, поэтому им пришлось заняться шопингом еще до возвращения в Москву. Но говорить об этом маме, она, конечно же, не собиралась.

Вера Николаевна, видимо, поняла, что правды от дочери не добьется, поэтому только тяжело вздохнула и вытащила из ящика маленькой тумбочки связку ключей.

– Может, хоть еды возьмешь? – предложила она. – Если ты только из Москвы, едва ли у тебя дома что-то есть.

От еды Саша отказываться не стала. Все, что могло быть дома, за полторы недели наверняка пришло в негодность, а заезжать в магазин у нее не было ни сил, ни желания. Пришлось все же раздеться и пройти на кухню, чтобы помочь маме упаковать ужин в контейнеры.

– Когда ты окончательно переезжаешь в эту свою Москву? – поинтересовалась Вера Николаевна, вытаскивая из холодильника многочисленные кастрюльки и миски и выставляя их на стол.

Саша преувеличенно внимательно перекладывала все это в контейнеры, поэтому равнодушно пожала плечами.

– Я больше не переезжаю в Москву.

Она приняла это решение импульсивно час назад, выйдя из Сапсана на перрон Московского вокзала, и за этот час поняла, что оно единственно правильное. Как бы ни сложились дальше их отношения с Войтехом, найдет он слова и время поговорить с ней или же предпочтет молча уйти от разговора, Саша в Москву не переедет. Она родилась в Петербурге, здесь вся ее жизнь, и она отсюда не уедет. Как и не начнет этот разговор первой. Хватит. За три года она сделала сто первых шагов, давно перешла середину на их пути друг к другу, пора и ему хоть как-то проявить себя.

В глубине души она понимала, что несправедлива к нему. Он первым поцеловал ее два года назад, когда она еще даже не осознавала своих чувств к нему. И тот вечер не продолжился лишь потому, что она сама остановила его. Он молча принял ее решение не ездить больше на расследования, но бросил все дела и примчался к ней, когда ей потребовалась помощь. Терпеливо оберегал ее, не спал ночами, пока ей грозила опасность. Был ей другом, пока она разбиралась в себе и со своим браком. Миллион раз признавался ей в любви не словами, а действиями. Сдерживал ее импульсивные порывы не потому, что не хотел отношений с ней, а потому что знал, что порой ее эмоции бегут впереди мыслей, и о своих необдуманных поступках она пожалеет.

Саша все это понимала и всегда была благодарна ему за это. Но почему-то именно сейчас так хотелось, чтобы он пришел к ней первым с уже готовым решением их проблемы, и у нее не осталось бы выбора, кроме как согласиться с ним. Возможно, в ней говорила обида за его ложь, возможно, усталость от всего произошедшего. Так хотелось знать, что она все еще нужна ему и он не готов так просто смириться с ее потерей.

Мама снова смотрела на нее некоторое время, прежде чем задать следующий вопрос. Саша чувствовала на себе ее взгляд, но продолжала упорно заниматься едой.

– Ты поругалась с Войтехом?

– Что-то типа того.

Вера Николаевна внезапно с силой захлопнула дверцу холодильника, подошла к дочери, развернула ее к себе и включила дополнительное освещение над столом. Саша не сразу поняла, что она ищет на ее лице.

– Он тебя ударил?

– Мама! – Она оттолкнула руки матери от себя и сделала шаг назад. – Ты что говоришь?

– А что я могла подумать? Телефон, ключи. Выглядит так, как будто ты сбежала впопыхах.

– Господи, да что угодно ты могла подумать! Что у меня украли сумку, что я напилась и потеряла ее, что меня похитили и я сбежала от похитителя, бросив вещи, в конце концов!

Вера Николаевна снисходительно улыбнулась, давая понять, что она думает о подобных версиях.

– Знаешь, как часто я вижу таких женщин на приеме? Внешне благополучных, обеспеченных, способных заплатить за лечение в частной клинике, но стоит приглядеться получше...

– Что ж ты про Максима никогда такого не думала?

– Максима я знаю двадцать лет, а твоего Войтеха видела два раза в жизни.

Саша закрыла лицо ладонями, радуясь лишь тому, что синяк от укола на шее окончательно сошел еще позавчера, иначе она бы не смогла убедить маму в том, что это все лишь ее фантазии. Она опустила руки и постаралась улыбнуться.

– Ничего такого не было, – заверила она. – Ключи и телефон я действительно потеряла, а с Войтехом у нас просто возникли некоторые разногласия, только и всего. И я поняла, насколько сильно люблю Питер, и не хочу уезжать отсюда.

Мама если и не поверила, то как минимум согласилась с таким объяснением. Они быстро расправились с едой, уложили все в объемный пакет, и Саша принялась одеваться. Лишь у самой двери Вера Николаевна снова вернулась к этой теме.

– Я недавно разговаривала с мамой Максима, она говорит, что у него пока никого серьезного нет.

– Было бы странно, если бы он собрался жениться всего через несколько месяцев после нашего развода, – хмыкнула Саша, завязывая шнурки на ботинках.

– Ну, тебе это не помешало собраться переехать к другому мужчине в Москву. Спасибо, что не сразу в Прагу.

Саша пропустила колкость мимо ушей, поэтому Вера Николаевна продолжила:

– Ты бы помирилась с ним. Максим, конечно, мальчик обидчивый, и ему есть за что обижаться, скажем прямо, но он тебя так давно любит. Возможно, простит.

Саша наконец расправилась со шнурками, взяла с пола пакет с едой и выпрямилась, посмотрев на маму.

– Мы развелись по двум причинам: потому что я не могла родить ему детей и потому что другого любила больше. С тех пор ни одна из этих причин не потеряла актуальность. Ты считаешь, возвращаться на тех же условиях, на которых уходила, не лицемерие?

Вера Николаевна ничего не ответила. Все это было вчера, а сегодня Саше с самого утра пришлось заняться другими важными делами: утерянными документами и работой, которую она прогуливала уже полторы недели без внятной причины. Если она не собирается уезжать из Питера, хорошую работу терять не следовало.

Пока остальные изучали образ жизни Катерины Ляшиной и пытались придумать, где и как с ней познакомиться, Саша навестила бывшую однокурсницу и свою хорошую подругу, которая выписала ей липовый больничный задним числом на две недели, заплатила пошлину за новый паспорт и отогнала машину на платную стоянку. Запасной ключ от Ауди нашелся дома, но права и свидетельство о регистрации остались в той же многострадальной сумке. Наверное, Саша даже рискнула бы поехать несколько дней без прав, но если вдруг Ауди угонят, без документов она даже страховку не получит.

Все это отнимало время и нервы, зато позволяло отодвинуть чувства и эмоции на задний план. Как тогда, в вертолете...

Другие могли позволить себе заниматься только расследованием, а ей нужно было восстанавливать с нуля свою жизнь. По крайней мере, для начала хотя бы документально.

Саша как раз стояла в очереди, чтобы подать заявление об утере старого паспорта и выдаче нового, когда позвонил Ваня.

- Айболит, ну ты где ходишь? Наш экстрасенс сейчас уходит художницу соблазнять, самое интересное пропустишь.

Саша посмотрела на очередь, которая двигалась удушающе медленно, на бумажки в руках. Наверное, не случится ничего страшного, если она займется этим чуть позже?

- Сейчас буду, - пообещала она.

- И купи еды какой-нибудь. У нас, кроме корицы, и пожрать нечего. Дворжак задолбал уже своей корицей, скоро из ушей ползет. Откуда он ее только на съемной квартире взял, ума не приложу!

29 апреля 2015 года, 17.35

паб «КвакИнн»

Большой проспект В.О.

В бельгийской пивной на Большом проспекте в среду, несмотря на еще довольно ранний вечер, оказался аншлаг. На больших телевизорах, развешанных на стенах, шла прямая трансляция игры российской сборной по хоккею, и все столики были заняты болельщиками. Даже у длинной барной стойки свободное место оказалось только одно: его Катя заняла для приятеля, с которым договорилась тут встретиться.

Войтех точно знал, что ее приятель не придет. Иван взломал несколько аккаунтов Кати в соцсетях, и из ее личной переписки они узнали об этой

встрече. Лиле было поручено нейтрализовать приятеля, и Войтех ни на секунду не сомневался, что у нее это получится: редкий мужчина мог устоять перед красавицей-блондинкой, попавшей в беду. Даже если у него назначена другая встреча.

Подходить к Кате он не торопился. Молодые люди договорились встретиться в пять вечера, Катя, как истинная женщина, опоздала на двадцать минут. И заметно удивилась, не обнаружив приятеля на месте: видимо, обычно он приходил вовремя. Свободных столиков на тот момент уже не осталось, но места за стойкой еще были. Кате пришлось сесть с неудобного торца, только там она смогла занять два места, но бармен туда доходил редко и неохотно.

После того, как Катя устроилась, Войтех выждал еще пятнадцать минут, чтобы его будущая новая знакомая успела немного подождать, устать от шума, обидеться на приятеля и выпить половину первого бокала пива. А заодно чтобы место осталось только возле нее. Конечно, существовала опасность, что кто-то другой успеет подойти к ней первым и убедит отдать занятое место ему, но Войтех решил довериться интуиции и начал действовать тогда, когда она настойчиво этого потребовала.

– У вас не занято? – с обезоруживающей улыбкой поинтересовался он, хотя сумка Кати красноречиво лежала на соседнем высоком стуле.

– Вообще-то я жду человека, – уже не очень уверенно ответила она, бросив быстрый взгляд на часы.

– Я обещаю освободить место, как только он придет, – заверил Войтех, продолжая улыбаться. – Я не собираюсь смотреть матч, хочу только выпить кружку пива.

Это был один из тех случаев, когда он и не пытался скрывать свой акцент, даже нарочно его усугублял, чтобы Катя уловила его в окружающем шуме. Он хорошо знал, когда его иностранное происхождение отталкивало людей, а когда наоборот привлекало к нему внимание и интерес.

Катя скользнула по нему оценивающим взглядом и в конце концов решила, что его компания не будет ее раздражать. Выпить в обществе симпатичного молодого брюнета с милым акцентом было всяко лучше, чем находиться в

компании хоккейных болельщиков в одиночестве. Она забрала со стула маленький клатч и переложила его на стойку рядом с собой.

Войтех поблагодарил ее и сел рядом. Ему повезло достаточно быстро привлечь к себе внимание бармена и заказать заранее выбранный шотландский стаут. На Катю он старался не смотреть, точно зная, что она сама с любопытством косится на него: часто ли ей попадались мужчины, которые в конце апреля ходят в тонких матерчатых перчатках и не снимают их даже в пивной?

– Вам не жарко? – предсказуемо поинтересовалась она пару минут спустя, наклонившись к его уху, чтобы он услышал ее вопрос за гомоном болельщиков.

Войтех изобразил непонимание, и ей пришлось взглядом указать на его руки.

– А, это, – он покрутил левую кисть перед собой, словно видел ее впервые, и со вздохом признал: – Не очень удобно, конечно, но это вынужденная необходимость. – Заметив ее напряженный взгляд, он добавил: – Не беспокойтесь, никаких кожных заболеваний. Вот, – он стянул перчатку все с той же левой руки и продемонстрировал ей, – видите?

– А зачем тогда вы их носите? – немного смущенно поинтересовалась Катя. Войтех понял, что она действительно в первую очередь подумала о болезни.

– Если я вам скажу, вы испугаетесь и убежите, – Войтех снова улыбнулся ей, на этот раз тоже позволив себе скользнуть по ней взглядом, – а мне бы этого не хотелось.

Катя изменила позу: повернулась на высоком стуле немного в его сторону. Войтех мысленно поздравил себя с тем, что ему удалось ее заинтересовать.

– Вы убийца, который боится оставлять где-либо отпечатки пальцев? – приподняв брови, поинтересовалась она.

Войтех рассмеялся. В этот момент на экране телевизоров, судя по всему, случился какой-то напряженный момент, потому что болельщики загалдели громче. Катя недовольно скривилась.

– У вас богатая фантазия, – заметил Войтех, когда галдеж сменился сначала стоном разочарования, а потом временной тишиной. Относительной. – Но я думаю, что вам ни за что не угадать, по какой причине я ношу эти перчатки.

– Умеете вы заинтриговать девушку, – одобрительно хмыкнула она. – Уж не для того ли вы их носите? Чтобы знакомиться в барах?

Войтех поморщился и посмотрел на нее с осуждением.

– Нет, эта версия так себе, мне больше нравилась предыдущая.

– А вы просто скажите, как на самом деле, – предложила она. – Обещаю не сбегать.

Войтех задумчиво посмотрел на левую ладонь, на которую так и не надел перчатку, и поэтому старался ничего не касаться. Поймать внезапное видение, которое может вызвать головную боль, а то и вовсе отправить его в нокаут и испортить вечер, ему не хотелось. Выдержав небольшую паузу, он признался:

– Я экстрасенс. Через прикосновение считываю информацию о людях и предметах. Поскольку очень тяжело постоянно проваливаться в видения, я ношу перчатки. Это создает барьер.

Он покосился на нее и заметил, что она скептически хмурится.

– Seriously? – немного разочарованно протянула Катя. – И что, девушки ведутся на такое?

– Не верите мне? – ему удалось очень убедительно изобразить смесь удивления и возмущения. Он протянул ладонь Кате и предложил: – Коснитесь меня. Просто ладонью. Давайте, я вам покажу, как это работает.

Она пару мгновений смотрела на него с сомнением, но потом все же осторожно приложила раскрытую ладонь к его.

Изображать видение не пришлось. Ворох невнятных образов навалился как по заказу, заставив Войтеха резко втянуть ноздрями воздух и слегка вздрогнуть,

закрывая глаза.

Катя тут же испуганно отдернула руку, глядя на него все с тем же недоверием, к которому теперь примешалась еще и опаска.

– Вы пишете, – уверенно заявил Войтех, с деловым видом натягивая перчатку обратно. – Картины, не тексты. Возможно, в качестве хобби, но при этом относитесь к нему серьезно. Не на компьютере и не на салфетках, на холсте. В вашей квартире – или доме, тут трудно определить, – высокие потолки. А еще у вас есть голая кошка.

Теперь на ее лице читался испуг, но за ним проглядывался и интерес. Войтех решил закрепить успех, добавив:

– И еще: ваш приятель не придет сегодня. Поэтому как вы смотрите на то, чтобы пойти в место потише?

Катя медленно кивнула, замороженно глядя на него. Войтех дал знак бармену рассчитать их, заодно попросив включить пиво девушки в его счет. Та спокойно позволила ему заплатить за себя.

29 апреля 2015 года, 17.56

пер. Каховского

– Во дает! – Ваня стащил с головы наушники, откинулся на спинку кресла и восхищенно присвистнул. – А нам через сколько дней рассказал, что экстрасенс?

Саша промолчала, зато ответил Нев:

– У Войтеха всегда была хорошая интуиция, а сейчас она еще и обострилась до крайности. Видимо, он знал, что девушка ему поверит и заинтересуется.

- Еще бы! Девушки ему вечно верят и интересуются, да так, что потом никак не разинтересуются, что бы он ни натворил, - Ваня покосился на Сашу, но та сделала вид, что не поняла укола в свой адрес.

Она тоже сняла наушники, через которые слушала разговор Войтеха с Катериной, и поднялась из-за стола.

- Пойду сварю кофе, пока они идут. Вам варить?

- Если вам несложно, - вежливо улыбнулся Нев.

- И мне тоже, - кивнул Ваня.

- Тебе, конечно, без корицы?

- Чего это?

Саша хмыкнула, ничего не ответив, и отправилась на кухню.

Войтеху удалось снять небольшую двухкомнатную квартиру в соседнем с Катериной доме, где они устроили что-то вроде оперативного штаба. Отдельную спальню занял Ваня, а проходная гостиная досталась Войтеху, и в ней же они устроили штаб. На большом письменном столе, потертом от времени, стояли три ноутбука, которые Ваня притащил с собой.

Отправляя Войтеха на знакомство с художницей, он снабдил его не только микрофоном, чтобы слышать разговор, но и небольшой камерой, встроенной в пуговицу вязанного жакета. Этими шпионскими штучками их снабдил щедрый заказчик, а они решили не упускать шанс ими воспользоваться. Для этого Войтеху даже пришлось изменить своей привычке носить водолазки, в которых пуговицы не предусматривались. Правда, камера имела небольшой угол съемки, поэтому в баре они видели в основном грудь девушки, поскольку Войтех сидел очень близко к ней, а затем, когда они вышли на улицу, изображение и вовсе пропало: Войтех надел куртку.

Пользуясь паузой, пока «новые знакомые» перемещались в «место потише», Саша быстро сварила кофе, сделала с десяток бутербродов с колбасой и сыром,

которые купила по дороге, поставила чашки и тарелки на поднос и вернулась в комнату, где Нев и Ваня продолжали следить за событиями.

- Ну что тут? - поинтересовалась Саша, поставив поднос на стол рядом с центральным ноутбуком, экран которого по-прежнему оставался темным.

- Пока ничего, идут, - Ваня тут же ухватил самую большую кружку, одуряюще пахнущую кофе и корицей, и сделал большой глоток. - Уф, горячо!

Саша посмотрела на него, внезапно нахмурилась и наклонилась чуть ближе.

- Что это у тебя?

- Где? - Ваня поставил кружку обратно на стол и испуганно покосился на нее.

- Вот, - она оттянула его ухо в сторону, заглядывая в слуховой канал. - Черное что-то... А, пардон, это корица лезет.

Ваня замер на мгновение, осознавая смысл ее слов, а затем легонько шлепнул по руке, которой она продолжала держать его ухо.

- Да иди ты!

Саша плюхнулась в свое кресло, едва сдерживая смех. Приглушенное хрюканье со стороны Нева дало ей понять, что он занимается тем же. Ваня тоже это услышал, покосился на старшего товарища, обиженно надулся и вернул наушники на голову.

- Ладно, не злись, - Саша ткнула его в плечо. - Расскажи лучше, что ты узнал про отца нашей девушки. Ведь наверняка узнал?

Ваня еще несколько секунд смотрел в темный монитор, а потом снова стащил наушники и откинулся на спинку кресла.

- Конечно, узнал. Папенька Ляшин у нас бывший фээсбэшник, а ныне депутат Государственной Думы. Крутой чувак, я тебе скажу, не зря мы сюда первым классом ехали. Такой реально может как избавить нас от проблем с ЗАО, так и

добавить новых. Дочурка Катенька единственная, любимая, поэтому так за нее трясется. Мы с Невом сами с утра немного походили за ней, чтобы Витек на всякий случай раньше времени мордой не засветился. Девочка действительно ведет уединенный образ жизни, с друзьями почти не общается. Вон, – Ваня кивнул на все еще темный экран ноутбука, – одно свидание кое-как нашли, повезло. Могли бы неделю прождать.

– А с ее друзьями вы не разговаривали? – поинтересовалась Саша, аккуратно отхлебывая кофе из чашки. – Может, она просто поссорилась с кем-то?

– Мы что, похожи на придурков? – Ваня возмущенно посмотрел на нее. – А если кто-то из них сдаст нас ей? Мол, чуваки какие-то странные тобой интересовались. А она к папе прибежит. Ляшин нас живьем в землю закопает за провал операции. Не, будем верить ему на слово. Тем более, думаю, он послал следить за ней профессионалов получше нас, не доверять собранной ими инфы нет смысла.

– Они пришли, – внезапно перебил его молчавший до сих пор Нев.

Ваня и Саша тут же прекратили болтать, надели наушники и повернулись к монитору, с которого сошла чернота, уступив место интерьеру небольшой уютной кафешки. Войтех как раз помогал новой знакомой снять пальто. На этот раз они сели друг напротив друга через стол, поэтому девушку стало хорошо видно. Катя оказалась довольно милостивой, с длинными темными волосами и очаровательными ямочками на щеках, которые появлялись каждый раз, когда ее губы растягивались в улыбке. То есть почти постоянно. Саша ощутила острый укол ревности. Она еще накануне видела фотографию Катерины, но на ней ее ямочки не предназначались Войтеху.

29 апреля 2015 года, 19.24

пр. Кима

Они переместились в кафе на 9-ой линии, где не шло никаких трансляций, а потому действительно оказалось тише. Там они наконец представились друг

другу. Катя с интересом и все еще осязаемым скепсисом расспрашивала Войтеху о его даре, а заодно и о нем самом. Тот отвечал в целом правдиво, не забывая постоянно переводить разговор на тему самой Кати и ее творчества. Чем вскоре заслужил приглашение на поздний кофе и демонстрацию картин. Отказываться он, конечно, не стал.

В квартиру Кати он входил, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям, но ничего особенного не почувствовал, кроме некоторого диссонанса между довольно унылым и потрепанным подъездом – то есть, парадной, мысленно поправил себя Войтех, – и шикарной внутренней отделкой квартиры. В ней не так чувствовалось, что дому уже много лет.

Кухня-гостиная, куда привела его Катя, была светлой, просторной, с минимумом мебели, зато очень дорогой техникой. На большом кожаном диване белого цвета спала лысая кошка и даже не проснулась, когда они вошли.

– Это Анхе, не обращай на нее внимания, она ленивая и глуповатая, – махнула рукой Катя, сразу направляясь к кухонному уголку.

Войтех с некоторой осторожностью посмотрел на странное создание, но приближаться к нему не рискнул.

– Интересное имя.

– По паспорту она Анхесенамон, в честь жены Тутанхамона, – пояснила Катя. – Но ни один нормальный человек, если он не древний египтянин, этого не выговорит, поэтому я зову ее просто Анхе. Правда, – девушка обернулась к нему и улыбнулась, – она все равно не отзывается. Друзья подарили на позапрошлый день рождения, даже не спросив меня.

Войтех понимающе кивнул, наконец перестал разглядывать кошку и подошел чуть ближе к кухонному уголку.

– Какой ты будешь кофе? – поинтересовалась Катя, включая навороченную кофемашину, которая тут же приветливо засветилась сенсорным дисплеем.

– Американо с молоком, – отозвался он, оглядываясь по сторонам и замечая лестницу, ведущую наверх. – А мастерская у тебя на следующем этаже?

– Да, – кивнула Катя, подставляя кофемашине чашку и нажимая на картинки на экране. – До меня в этой квартире жил фотограф, у него там была студия.

Когда кофе сварился, Катя подошла к Войтеху довольно близко – провокационно близко – и подала чашку. На лице ее при этом вновь было написано недоверие, но оно больше не касалось его способностей, как он выяснил буквально пару мгновений спустя.

– Неужели напросившись вечером к девушке выпить кофе и посмотреть картины, ты действительно интересуешься именно кофе и картинами? – спросила она, глядя ему в глаза.

Войтех пригубил кофе, не делая попытки отодвинуться от нее, но и не предпринимая никаких действий по сближению. Его интересовала только ее квартира, но на первом этаже, в жилой части, он ничего не почувствовал, поэтому теперь стремился попасть в мастерскую. Однако он понимал, что такой интерес ее напугает, поэтому продолжал поддерживать флирт.

– А что мне остается? – он выразительно изогнул бровь. – Ты ведь явно не из тех девушек, что целуются на первом свидании. А у нас даже не свидание, а так... случайное знакомство. Так что сегодня я планирую только впервые увидеть, как выглядит мастерская настоящего художника, а все остальное... – он вздохнул, – оставлю на потом.

Судя по выражению ее лица, Катя была приятно удивлена таким ответом, как и его поведением. Войтех знал, что умеет нравиться женщинам, особенно когда хочет этого, и сейчас бессовестно этим пользовался.

– Что ж, пойдем покажу.

Она повернулась, как бы невзначай задев его плечом, и направилась к лестнице. Войтех последовал за ней.

29 апреля 2015 года, 19.36

пер. Каховского

Когда грудь Кати отодвинулась от экрана и показалась ее спина, Саша шумно выдохнула, только сейчас осознав, что во время их последнего разговора не дышала. В глубине души она была почти уверена, что сейчас эта грудь придвинется еще ближе, и останется только догадываться, что происходит выше, однако теперь ей стало стыдно за свои мысли и за сомнения в Войтехе. Во-первых, он на задании, во-вторых, прекрасно знает, что они все видят и слышат. Поставить камеру и микрофон было его идеей. Он хотел, чтобы они смотрели за всем со стороны на тот случай, если сам упустит что-то важное.

В этот момент в их собственной квартире хлопнула входная дверь, и на пороге комнаты показалась запыхавшаяся Лиля.

- Ну что тут у вас? - поинтересовалась она, на ходу скидывая ботинки и проходя в комнату.

- Ты на самое интересное успела, - махнул ей рукой брат. - Дворжак уже дома у художницы, идет процесс соблазнения.

Лиля удивленно приподняла брови и шагнула ближе, чтобы заглянуть в экран, но тот вдруг моргнул и погас. В наушниках у всех троих раздался треск, заставивший их поморщиться, а потом наступила тишина.

- Что за черт? - непонимающе пробормотал Ваня, наклоняясь к клавиатуре и щелкая клавишами.

Лиля застыла на месте, Нев, уже привставший, чтобы помочь ей раздеться, сел обратно.

- Что случилось? - спросила Саша.

- Трансляция пропала. - Ваня защелкал клавишами еще активнее, открывая на темном экране одному ему понятные окна.

– Ну вот, а я так надеялась тоже поиграть в шпиона, – разочарованно протянула Лиля.

– Вот, это все ты! – не отрываясь от работы, заключил Ваня, ткнув в ее сторону пальцем. – Пришла и все испортила.

Лиля только фыркнула и принялась разматывать шарф. Нев тут же встал, коснулся ее губ в приветственном поцелуе и принялся помогать ей раздеваться. Саша видела, как Ваня покосился на них и тихо скрипнул зубами. Она наклонилась к нему и очень тихо прошептала:

– Осторожнее, а то Нев может сделать так, что у тебя и из второго уха корица полезет.

– Айболит, ты бы не выеживалась, – так же тихо посоветовал Ваня. – Я же сейчас в лепешку расшибусь, но верну трансляцию, и кто знает, что мы там увидим? Вдруг твой ненаглядный экстрасенс сам ее выключил, и нашим очам предстанет все та же грудь, только уже без одежды?

Саша откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

– Даже если бы это было так, поверь, камера лежала бы на полу, и мы бы ничего не увидели. Войтех не занимается сексом в одежде. Уж я-то знаю.

Ваня ничего не ответил, не глядя больше ни на нее, ни на сестру с Невом, а с головой уйдя в работу. Лиля успела раздеться и наброситься на бутерброды, пояснив, что кавалер тоже отвел ее в кафе, а одним пирожным сыт не будешь, Нев – заняться более основательным ужином, а Ваня все еще продолжал мучить компьютер, но трансляция так и не восстановилась. Что бы ни происходило дома у Катерины, Войтеху придется разбираться с этим одному.

29 апреля 2015 года, 19.59

пр. Кима

Еще поднимаясь по лестнице, Войтех почувствовал изменение. Неприятный, колючий холодок пробежал по его спине вдоль позвоночника, интуиция шептала на ухо невнятные предупреждения по мере того, как они приближались к полумраку верхнего этажа.

Катя щелкнула выключателем, и темное просторное помещение залил яркий свет. По площади мастерская была равна всей квартире внизу, но здесь не было ни перегородок, ни лишней мебели. Только подставки с законченными картинами, несколько мольбертов с начатыми. Некоторые готовые полотна висели на стенах, другие стояли просто на полу, прислоненные к стенам. Войтех обратил внимание на то, что три или четыре картины были повернуты лицом к стене, а одну из картин на мольберте закрывал кусок темной непроницаемой ткани.

– Вот так это и выглядит, – Катя обвела рукой помещение, проходя к его центру. – Вот тут я работаю последние дни, – она остановилась у одного из мольбертов и присела на стоявший перед ним табурет.

Войтех прошелся по помещению, скользя заинтересованным взглядом по доступным полотнам. Непроизвольно вздрогнул, поймав собственное отражение в большом зеркале. Он ничего не понимал в живописи, но картины не казались ему странными или депрессивными, как рассказывал Ляшин. И написаны они были яркими красками. В основном на них были изображены цветы, люди, заметил Войтех и парочку пейзажей. Та, возле которой сидела Катя, обещала в будущем стать картиной с изображением невесомой, как готовый вот-вот разлететься маленькими парашютами одуванчик, балериной в светлом платье.

Войтех приблизился к занавешенному тканью мольберту, делая вид, что рассматривает совсем другие работы. И только в последний момент, когда Катя уже не могла ему помешать, спросил:

– А что здесь?

И сдернул ткань с полотна.

Он слышал протестующий голос Кати, но слов не разобрал, утонув в гипнотическом сочетании линий и оттенков от темно-серого до черного. Это не было похоже на картину в том виде, в каком привык представлять Войтех, не

было похоже и на остальные работы Кати. Здесь не было четких, внятных образов, но при взгляде на холст у него появилось ощущение, которое заставляло внутренности завязываться в тугий узел.

Войтех словно наяву почувствовал, как кожи лица коснулся холод. В воздухе стало меньше кислорода, а яркий свет ламп померк. Его заслонило черное ядро, находившееся в центре картины. Оно засасывало его, прогоняя все светлые мысли и чувства, оставляя только страхи. Главный ужас его жизни, запрятанный глубоко в подсознании, но все еще живущий в почти стершихся воспоминаниях, снова заявил о себе.

Некуда бежать, негде спрятаться, никто не придет на помощь, и сделать ничего нельзя...

Как сквозь сон Войтех почувствовал, что чашка выскальзывает из его руки, но в этот момент наваждение отпустило его. Он крепко сжал пальцы. Кофе пролился на пол, но саму чашку Войтех удержал.

Наконец сумев сфокусировать взгляд, он обнаружил, что Катя снова закрыла картину, которая произвела на него такое впечатление, тканью.

- Не надо смотреть, она еще не закончена, - нервно потребовала она.

- Необычная картина, - хрипло заметил Войтех.

- Да, это... эксперимент, - пробормотала Катя.

Он то ли почувствовал, то ли просто прочитал на ее лице страх. Эта картина пугала ее саму не меньше, чем его. И в ней определенно было что-то... ненормальное.

- А у тебя есть еще что-то в этом стиле? - поинтересовался он. - Я бы купил.

Она непроизвольно бросила взгляд на повернутые лицом к стене картины. Всего лишь на мгновение, но Войтех заметил.

- Нет, я же говорю, это эксперимент, - быстро ответила Катя, поежившись.

Он не стал давить. Улыбнулся как ни в чем не бывало и констатировал:

– Жаль. Ладно, – залпом допил кофе и вернул ей чашку, – мне пора. Но, может быть, мы еще как-нибудь встретимся?

Катя не возражала. И даже дала ему свой номер телефона, который у него и так был, хотя Войтеху показалось, что она делает это на автомате, желая поскорее избавиться от внезапного свидетеля ее «эксперимента». Она проводила его до двери. И уже когда он переступил порог, внезапно окликнула его:

– Войтех...

Он с готовностью обернулся, но она замялась. Было видно, что она хочет что-то сказать или спросить, но не решается. В конце концов под его внимательным взглядом она сдалась и просто улыбнулась.

– Буду ждать твоего звонка.

29 апреля 2015 года, 20.17

пер. Каховского

По привычке поднимаясь к съемной квартире по лестнице, Войтех все еще ощущал послевкусие липкого ужаса, испытанного при взгляде на картину в мастерской Кати. Саму картину он воспроизвести в памяти не мог, каждая попытка завершалась тем, что он проваливался в воспоминания об аварии на МКС. Видимо, эти образы будут преследовать его до конца жизни.

Он открыл дверь квартиры своим ключом, поэтому непроизвольно вздрогнул, увидев в темной прихожей Лилю. Она стояла в проеме между прихожей и маленьким коридором, ведущим в кухню, и задумчиво жевала кусочек огурца, вторая половинка которого оставалась у нее в руке. Заметив его удивление, она объяснила:

- Услышала ключ в замке. Не думала, что ты так быстро вернешься.
- Разве вы не видели, как я ушел? – нахмурился Войтех, вешая на крючок куртку.
- Нет, трансляция умерла примерно в тот момент, когда вы поднимались в мастерскую.
- Хм, интересно, – пробормотал он задумчиво. – А где все?
- Ваня все еще надеется вернуть тебя в эфир, Сашка курит, а Нев готовит ужин. Я предлагала приготовить на ужин звонок в службу доставки, но ему нравится процесс, – она поморщилась.
- Я думал, тебе он тоже нравится, – Войтех улыбнулся, заметив эту гримасу. – По крайней мере, первое время ты готовила для группы с удовольствием.

Лиля пожала плечами. Ей нравилось, что можно больше не носить эту маску.

- Попыталась произвести на тебя впечатление. Кто же знал, что ты предпочитаешь брюнеток?
- Наверное, оно и к лучшему, да? – он едва заметно кивнул на кухню. – Сейчас между нами было бы в сто раз больше неловкости, если бы тебе удалось произвести на меня впечатление.
- Да кто знает, как бы все повернулось? – она вздохнула. – Теперь это уже не имеет значения.

Войтех согласно кивнул и жестом предложил ей присоединиться к нему и Ване в большой комнате, где последний все еще сражался с ноутбуками за письменным столом, не то не услышав прихода Войтеха, не то желая разобраться, в чем все-таки было дело.

- Так когда точно прервалась трансляция? – спросил Войтех, не здороваясь.

Ваня был настолько раздосадован неспособностью вернуть умершую трансляцию к жизни, что не отпустил ни одной шутки в сторону вернувшегося

чеха. Он лишь быстро взглянул на него, тяжело вздохнул и снова повернулся к мониторам.

- Вот.

Динамики одного из ноутбуков ожили, послышался измененный, немного невнятный голос Кати: «Что ж, пойдем покажу». Черный экран сменился видом спины девушки, изображение немного затряслось, демонстрируя лестницу: Войтех как раз поднимался по ней. Затем на мгновение экран вспыхнул ярким светом и тут же погас. Треск в динамиках тоже затих.

- Больше мы ничего не видели.

В комнату с балкона как раз вернулась Саша, молча кивнула Войтеху, когда он на нее посмотрел, и остановилась так, чтобы видеть экран.

- Что ж, это соотносится с моими ощущениями в квартире. - Войтех опустился на диван и откинулся на его спинку. - На первом этаже я ничего не чувствовал, зато на втором появились довольно неприятные ощущения. Так что, скорее всего, отец девушки прав: что-то там есть. По крайней мере, может быть.

Привлеченный их голосами, в гостиной появился и Нев. Готовящийся ужин пока не требовал его внимания, поэтому он мог поучаствовать в общем обсуждении.

- А что именно вы почувствовали? - поинтересовался он, привалившись плечом к дверному косяку и вытирая руки прихваченным на кухне полотенцем.

- Сложно описать, - Войтех нахмурился. - Тревогу. И еще там была картина...

- Всего одна? - сдохмил Ваня. Слова Войтеха о том, что на втором этаже он что-то почувствовал, немного успокоили его: поломка аппаратуры имела сверхъестественную причину, а не являлась результатом плохой настройки. Вслух Ваня, конечно же, в этом ни за что не признался бы, но такая версия после трех лет расследований аномальных явлений уже не казалась ему неправдоподобной. - Я думал, она художник и у нее там все в картинах.

– Что за картина? – перебила брата Лиля. Она села в кресло, которое ближе всех стояло ко входу в комнату и, соответственно, к Неву, почему-то вспомнив короткий разговор с Войтехом в прихожей. В начале их работы она определенно села бы на диван рядом с ним. Лилия не знала, что теперь будет с ее работой на Общество, у нее еще не было времени переговорить с куратором, но она определенно больше не сможет быть такой, как раньше.

– Нет, конечно, там было много картин, – Войтех бросил на Ваню раздраженный взгляд, – но одна выделялась. Я не очень разбираюсь в живописи, но все остальное написано, как мне кажется, в плюс-минус одном стиле. Яркие краски, порой странные образы. Непонятно, но красиво. И все эти картины или выставлены на подставки, или расставлены по стенам. Но несколько штук стоят вместе и повернуты лицом к стене. А одна была еще на мольберте, но ее закрывала ткань. Я сдернул ее, но там оказалось нечто совсем другое. Словно это рисовал другой человек. Все оттенки серого, даже, скорее, черного. Я не знаю, что там было изображено, я просто не помню этого, потому что картина меня очень... напугала.

Саша, Нев и Лилия удивленно переглянулись. Даже Ваня выглядел озабоченным, хоть и пытался не дать насмешливой ухмылке сойти с лица.

– Напугала в каком смысле? – поинтересовалась Саша. – Ты в ней увидел что-то определенное, не запомнив оригинального изображения, или это было на уровне экстрасенсорных ощущений? Потому что, знаешь, существуют ведь специальные картины, где каждый видит что-то свое. На них, к примеру, построен тест Роршаха.

– Это который с чернильными пятнами? – уточнил Войтех.

– Да, с симметричными чернильными пятнами, обычно как раз черного или серого цвета с красными вкраплениями.

– Психодиагностический тест для исследования психики и ее нарушений, – вслух прочитал Ваня, успевший быстро найти в поисковике неизвестный ему термин, а затем многозначительно хмыкнул и посмотрел на Войтеху.

– Я, конечно, псих со стажем, – саркастически отозвался тот, – но это было другое. Я не мог сосредоточиться на изображении, постоянно уплывал в

воспоминания. Меня захлестывали эмоции, но только негативные: тоска, горечь, безысходность, ужас. Если бы Катя не закрыла картину, я не знаю, куда бы они меня привели. Она сказала, что картина не закончена и это эксперимент, но мне показалось, что она сама ее боится. Вероятно, рисует уже не в первый раз и ставит лицом к стене.

– Значит, ее отец сказал правду, она действительно рисует странные картины, – задумчиво пробормотала Лиля. – Жаль, мы не смогли увидеть эту картину.

– И нет никаких гарантий, что камера не сломается снова, если Войта туда вернется, – добавила Саша. – Если там действительно что-то вроде... кхм... аномального воздействия, то техника опять выйдет из строя.

– Если только мы не защитим ее, – внезапно предложил Ваня, покачиваясь на кресле. Дождавшись, когда все посмотрят на него, он продолжил: – Например, для исследования Бермудского треугольника, где, как мы помним, техника часто выходит из строя, приборы помещают в латунные корпуса. Говорят, это помогает. Наш богатенький заказчик сможет обеспечить нас такими приборами? – спросил он у Войтехы.

– Он сказал: у вас будет все, что можно купить за деньги, – хмыкнул тот. – Так что пусть обеспечивает. И камер нужно несколько, чтобы установить видеонаблюдение в ее квартире, как мы хотели. Сможешь расставить их незаметно?

– Без проблем, – пожал плечами Ваня. – Выведи ее из дома куда-нибудь, а уж я камеры и микрофоны так распихаю, в жизни не найдет. Даже квартиру открою, но будет лучше, если нас еще и ключом обеспечат.

– Я могу открыть вам квартиру, – напомнил Нев.

– Хорошо, я запрошу защищенное оборудование, потом приглашу Катю куда-нибудь, а вы с Невом установите наблюдение. Лиля, покопай немного историю дома. Я хочу понять, связан этот феномен с квартирой или с самой Катей.

– Без проблем, поищу, – кивнула Лиля.

– Саш, мне обещали прислать копии медицинских карт Кати, посмотришь их? Я бы все-таки не стал исключать вероятность того, что происходящее связано с ее ментальным состоянием.

Саша молча кивнула. Она и сама как раз раздумывала, как бы тактичнее выдвинуть версию о том, что Катя может быть просто-напросто нездорова, отсюда и странные пугающие картины.

Ваня внезапно выпрямился в кресле, принялся и посмотрел в сторону кухни.

– Нев, мне кажется, или у вас там что-то начинает пригорать? Может быть, мы переместим обсуждение на кухню? Заодно пожрем наконец?

Глава 3

30 апреля 2015 года, 10.10

пр. Науки

Этим утром Лиля позволила себе поваляться в постели несколько дольше, чем обычно. Ситуация с ЗАО и Обществом еще не разрешилась до конца, новый неприлично богатый заказчик несколько нервировал, расследование пока оставалось непонятным, но в квартире Нева она всегда чувствовала себя в безопасности. Высокие потолки, деревянные окна, старые обои на стенах, сотни книг – все это действовало на нее умиротворяюще. Ей просто необходима была маленькая передышка, чтобы затем с новыми силами взяться за расследование, которое может решить огромную кучу их общих проблем. Общих, потому что со своими ей все-таки придется разбираться самой.

Нев ушел рано, поцеловав ее на прощание и велел обязательно позавтракать (завтрак, конечно же, он оставил для нее на столе). Ему тоже нужно было решить вопрос с прогулами на работе, но Лиля не сомневалась, что это не составит труда. На ее взгляд, он был слишком ценным преподавателем, чтобы руководство университета, где он работал много лет, разбрасывалось такими

кадрами.

– Только без магии, – попросила она, когда он уже стоял в дверях.

Он ответил что-то невнятное, в чем ей одновременно послышалось и «посмотрим», и «как пойдет», и «не буду обещать».

Наконец, когда часы показали начало одиннадцатого, Лиля все же поднялась с постели. Прошла по комнатам, постояла немного у дурацкого гобелена на стене в гостиной, который прикрывал дверь в тайную комнату, где Нев хранил самые редкие, старые и опасные находки. Там же лежала и Книга Темных Ангелов, которую Лилия однажды пыталась выкрасть у него.

Она машинально дернула за ручку, но дверь, конечно же, была заперта. И не только на ключ. Нев всегда запирает ее, даже от самой Лили.

– Это для твоей же безопасности, – говорил он, но иногда ей казалось, что дело не только в безопасности. Как бы то ни было, а она все еще оставалась членом тайного Общества, призванного охотиться за опасными артефактами и обезвреживать таких людей, как Нев.

Умывшись и позавтракав оставленными ей блинчиками, которые после разогрева в микроволновке оказались ничуть не менее вкусными, чем сразу со сковороды, Лилия наконец открыла ноутбук. Пора было заняться выполнением задания Войтеха и собрать сведения о доме. Год постройки и планировку квартир она нашла быстро, но это мало что давало. Типичный дом начала шестидесятых, типичные парадные, типичные квартиры. Разве что последний этаж отличался от привычного, но и в нем не было ничего необычного. В Санкт-Петербурге она нашла не один десяток таких домов. Следовало собрать сведения о жильцах, о том, что происходило в их квартирах если не за все время существования дома, то хотя бы за последние годы. Катя могла быть не единственной жертвой неизвестной сущности: такие «гости» иногда поселяются в домах или квартирах и изводят хозяев. Тем более в городе, практически построенном на костях.

Однако добыть подобные сведения самостоятельно Лиле было не под силу, да и потребовался бы не один день. Если бы Дементьев все еще не валялся в больнице под Новосибирском с пулевым ранением, она бы обратилась к нему. Следователь часто помогал им. Но и этот вариант в данный момент был ей

недоступен.

В Санкт-Петербурге жил еще один человек, который мог помочь. Лиля не общалась с ним больше года, однако почти не сомневалась, что он ее помнит и от встречи не откажется.

С журналистом Димой Решетниковым она познакомилась два с половиной года назад, когда они только начинали заниматься расследованиями аномальных явлений. Дима был человеком настырным, пронырливым, нахальным, даже наглым, не принимал отказов, не знал, что такое личное пространство. Это немного раздражало, но одновременно и привлекало. Его напору сложно было противостоять. Уже во вторую встречу он предложил Лиле выйти за него замуж и не переставал предлагать каждый раз, когда они разговаривали. Поначалу Лиля не исключала вариант, что однажды согласится на небольшой роман с ним, но в тот момент она была занята «соблазнением» Войтехы, а затем в ее жизни появился Нев, и Дима так и остался не у дел.

Конечно же, он не только помнил ее, но и сразу узнал по голосу, хотя она звонила с другого номера и даже не успела представиться.

– Лилечка, я уже и не надеялся когда-нибудь услышать тебя, – заявил он, едва она успела поздороваться.

– Рада, что ты меня помнишь.

– Я тебя никогда не забуду.

Лиля хмыкнула. Да уж, за этот год он совсем не изменился, если такие люди вообще способны меняться.

– Мне нужна твоя помощь, – сразу начала она, но Дима тоже не растерялся:

– Сегодня в шесть, ресторан «Строганов» на Конногвардейском бульваре. Там и обсудим.

– Нет. Мы обсудим это сейчас, – твердо сказала Лиля. – А если ты к вечеру нароешь информацию, тогда и встретимся.

Дима весело рассмеялся.

- Идет. Что у тебя за дело?

- Мне нужно раздобыть сведения об одном доме, - Лиля назвала адрес. - Все, что там происходило странного. Вдруг какие-то нераскрытые исчезновения людей, непонятные убийства, самоубийства...

- Стук по ночам, темные фигуры в пустых квартирах, - перебил ее Дима. - Опять ищите призрака-убийцу?

Теперь пришла Лилина очередь смеяться.

- Какой ты догадливый.

- Я же журналист, любовь моя. За какой срок нужны данные?

- Лучше за все время существования дома, но можно хотя бы за последние лет пять.

- Понял. Тогда сегодня в шесть в «Строганов».

- Если добудешь сведения, - напомнила Лиля.

- В этом можешь не сомневаться. Я для тебя луну с неба достану, не то что информацию.

Попрощавшись с Димой, Лиля решила навеститься и в ТСЖ Катиного дома. Обычно управляющие там тоже ушлые люди, которые могут обладать необходимыми сведениями. Лиля не сомневалась в том, что их добудет и Дима, однако считала, что пополнить данные неподтвержденными слухами тоже будет не лишним. А кто, как не сами жильцы, знают свой дом лучше всех? Лучше всего, конечно, было бы пообщаться с соседями, но на такие вопросы не ответят постороннему человеку, а вызывать подозрения ей не хотелось. Да и опрос жильцов тоже слишком затратен по времени.

Лиля надеялась, что председателем ТСЖ окажется мужчина. Обычно они как на духу выкладывали очаровательной блондинке все. Но здесь ей не повезло: председателем являлась женщина лет пятидесяти с небольшим. Кроме того, Лиля пришла не в часы приема. Пришлось узнавать домашний адрес и идти к ней домой, отрывая от дел. Увидев на пороге ослепительно красивую блондинку-москвичку, которая хочет купить квартиру в этом доме, чтобы переехать в Петербург, управляющая и вовсе скривилась.

– Дом у нас старый, капитального ремонта сто лет не было, что вам здесь делать? – хмуро спросила она, тем не менее пригласив Лилю в квартиру.

– Зато сквер под окнами, – улыбнулась Лиля.

– Это парк, – припечатала управляющая.

На взгляд Лили, называть парком несколько десятков еще голых деревьев было некоторым преувеличением, однако она не стала спорить.

– Торговых центров здесь нет, из больших магазинов одна «Лента». Кинотеатр – и тот один. Поискали бы вы лучше квартиру в другом районе.

– Но мне нравится этот.

– Тогда вот, – управляющая неопределенно кивнула головой в сторону окна, – через дорогу новые кварталы. Здесь все жильцы друг друга знают, живут едва ли не с самой постройки, детей вместе растили, не дадут они вам жизни. – В ее взгляде неожиданно промелькнуло что-то вроде сочувствия. – К новым людям постарше еще более или менее относятся, а молодых незамужних женщин не любят. Сначала ремонт на полгода затеете, стены снесете, потом будете шумные вечеринки устраивать. Участкового жалобами завалят.

«И тебя тоже, – мысленно хмыкнула Лиля. – А лишней головной боли ты не хочешь».

Тем не менее она сделала себе мысленную пометку рассказать об этом Войтеху. Не то чтобы в этой информации было что-то важное, но она подумала, что и Катю здесь едва ли любят. Пусть заодно выяснит, какие у нее отношения с

соседями, не поступало ли жалоб. Уж на что способны вредные соседи, Лиля знала не понаслышке. Под квартирой их родителей, когда они с Ваней были еще детьми, жила такая вредная соседка. То они мешали ей топотом, то дети слишком часто плакали, то папа слишком громко включал телевизор. Доходило до маразма: она строчила жалобы участковому на то, что мама привела в дом подружку и они громко смеялись.

После общения с управляющей заходить в квартиру, которую снял Войтех, Лиля не стала. До встречи с Димой оставалось совсем немного времени, квартира Нева находилась в другом конце города, а ей стоило еще зайти хотя бы на маникюр. Сначала похищение, потом несколько дней взаперти, стремительный побег, напряженная неделя в Москве – все это время ей было не до себя, а идти с мужчиной в ресторан, пусть даже безо всяких на него планов, как минимум без приличного маникюра казалось ей неправильным.

30 апреля 2015 года, 14.45

пр. Кима

– Надо было хоть как-то загримироваться, – задумчиво протянул Ваня, когда они уже поднимались в лифте Катиного дома. – Сантехниками прикинуться. Или службой доставки.

– Зачем? – не понял Нев.

В этот момент скрипучий лифт дополз до нужного этажа и остановился. Немного подумав, он неохотно раздвинул двери, выпуская пассажиров. Нев стоял ближе к выходу, поэтому шагнул на лестничную клетку первым.

– Затем, что в таких домах всегда есть соседка, которая коротает время у дверного глазка, – хмыкнул Ваня, выходя следом и поправляя на плече объемную спортивную сумку. – Может потом и спросить у милой Катеньки, что за два мужика приходили к ней сегодня, пока ее не было.

– Нас никто не увидит, – спокойно заверил его Нев, подходя к нужной двери.

– Откуда вы...

Ваня осекся, вздрогнув от неожиданности: Нев на мгновение обернулся к нему, его глаза из серых снова стали черными, как происходило всегда, когда их старший товарищ принимался «колдовать». Сколько бы раз Ваня это ни видел, а все никак не мог привыкнуть. Сейчас он даже не заметил, когда Нев успел сомкнуть пальцы. Насколько он знал, «замкнуть контур» для использования магии Неву было необходимо.

– Вы сделали нас невидимыми? – Ваня нахмурился. – В прошлый раз это выглядело эффектнее: сеточка такая красивая переливалась.

– В прошлый раз мы могли попасть на камеры, – пояснил Нев, проводя рукой по замочной скважине в двери и ловя слухом едва заметный щелчок. – А в этот раз хватит простого отвода глаз. Нечего пожилым людям смотреть на пустой лифт, который едет без вызова, и открывающуюся дверь. Кошмары потом будут сниться. Пусть лучше телевизор в это время посмотрят.

Он нажал на ручку и толкнул дверь, впуская их обоих в квартиру Кати Ляшиной.

Как и собирался, Войтех увел ее обедать еще пятнадцать минут назад, но какое-то время Нев с Ваней выждали на всякий случай. Вдруг девушка решит вернуться, что-то забыв дома?

Нев заметно нервничал до тех пор, пока они не оказались в доме. Точнее, пока он не призвал магию Темных Ангелов. Сверхъестественная сила, шедшая откуда-то изнутри, наполнявшая тело и покалывавшая кончики пальцев, всегда придавала ему спокойствия и уверенности.

Но до того момента, как теплый, слегка щекочущий поток не разлился по венам, Нев не мог отделаться от мысли, что с тех пор, как их отношения с Лилей перестали быть тайной, они с Ваней впервые оказались наедине.

Пока они сидели в съемной квартире и наблюдали через все ту же камеру в пуговице, как Войтех забирает Катю и увозит на свидание, Нев чувствовал взгляды, которые бросал на него Лилин брат. Каждую секунду он ждал, что тот начнет неприятный разговор, но обычно столь несдержанный в своих комментариях Ваня все это время молчал.

В квартире Кати тревога по поводу возможного разговора отпустила Нева. Ваня увлекся выискиванием укромных мест, установкой в эти места маленьких камер, их подключением и настройкой. К этому процессу он Нева не допустил, заявив, что ему проще сделать все самому, чем объяснить как, поэтому участие Нева в этом задании ограничивалось их незаметным попаданием в квартиру.

Большую часть камер было решено поставить именно в мастерской, поскольку жилая часть квартиры не вызвала у Войтеху никаких предчувствий. Здесь они ограничились лишь одной камерой «на всякий случай» в кухне-гостиной. Нев был рад этому, поскольку ему и так не очень нравилось влезать в чужую жизнь без спроса. На втором этаже он, в отличие от Войтеху, не почувствовал ничего необычного, но это не показалось ему удивительным. Все-таки Войтеху экстрасенс, он чувствует и воспринимает окружающий мир гораздо острее других людей, а Нев может обнаружить нечто странное только если знает, где искать.

Пока Ваня ковырялся в углу, он с интересом разглядывал картины и в конце концов дошел до той, что стояла на мольберте, закрытая тканью. После секундного колебания Нев все-таки осторожно стянул покрывало.

И тут же услышал насмешливое предупреждение от Вани:

– Смотрите тоже не поплывите, как Дворжак.

Нев рассеянно кивнул и всмотрелся в картину. Если так можно было назвать безумное сплетение темно-серых, ближе к черным, линий. На первый взгляд казалось, что кто-то просто беспорядочно водил кистью по холсту, имея под рукой краску только одного цвета. Где-то она ложилась гуще, где-то реже, из-за чего получились разные оттенки. Но стоило приглядеться, как картина перед глазами оживала: линии как будто начинали шевелиться и перестраиваться, складываясь в нечто интуитивно понятное и почти осязаемое...

Холодок пробежал у Нева вдоль позвоночника, и то темное, что уже давно жило внутри, снова шевельнулось. На этот раз без его призыва. Оно просто ожило, встрепенулось, словно очнувшись ото сна, и принялось тихо, но настойчиво скрестись в воображаемую дверь, которую Нев приоткрывал каждый раз, когда пользовался магией. Обычно он контролировал открытие двери и того, кто стоял за ней, но иногда случалось, что тот начинал рваться наружу сам. Совсем

недавно он даже вырвался на свободу, и долгое время контролировал тело Нева, пока тому не удалось снова затолкать его за дверь и захлопнуть ее.

Вот и сейчас он принялся скрестись и что-то тревожно шептать, но Нев не мог разобрать слов.

Сигнал смартфона прогнал наваждение. Нев вздрогнул и снова увидел перед собой беспорядочную мазню черной краской. Сердце гулко билось в груди, дышать было тяжело, словно он только что пешком поднялся на пятый этаж. Противный стандартный звонок раздражал и ввинчивался в висок острым штопором.

– Может, вы ответите? – донесся из-за спины немного раздраженный голос Вани.

Нев потер лоб, отошел к окну, на ходу доставая из кармана пальто смартфон. Звонила Лиля, предупредить, что ужинает сегодня с другим. Игривый и чуть насмешливый тон, которым она это сообщала, давал понять, что это какая-то шутка, но он все равно почувствовал легкий укол ревности. Нев знал, что ревность – удел неуверенных в себе людей, но ничего не мог с собой поделать. Он действительно ни в чем не был уверен.

– Целую, – попрощалась трубка голосом Лили, и прежде, чем он успел что-то сказать в ответ, она отключилась.

Нев убрал смартфон обратно в карман и уже повернулся, чтобы найти взглядом Ваню и выяснить, как далеко тот продвинулся в установке камер, когда краем глаза заметил стремительное движение рядом. Что-то темное и уродливое метнулось к нему, заставив дернуться и отшатнуться. Нев даже почувствовал на кончиках пальцев покалывание готовой сорваться с них темной энергии. Часть него успела удивиться этому: он ведь не замыкал контур после того, как отпустил силу, так откуда она снова взялась?

Тень с громким мявом шарахнулась прочь и зашипела. Нев шумно выдохнул, осознав, что это всего лишь уродливая голая кошка хозяйки.

– Нервишки шалят? – насмешливо поинтересовался Ваня. – Это кошка, не надо сжигать ее в адском пламени.

Только после этого комментария Нев осознал, что успел поднять руку, словно собираясь кинуть в кошку невидимый мячик. Сжав пальцы в кулак, он медленно опустил руку, выдыхая и стараясь унять сердцебиение. А потом торопливо набросил тряпку на картину и на мгновение повернулся к большому зеркалу в полный человеческий рост, убеждаясь, что глаза у него нормальные, зрачки не больше, чем обычно.

– Какой-то вы дерганый сегодня, – заметил Ваня, приближаясь к нему и на ходу что-то перекладывая в сумке, висевшей на плече. – Я закончил, пока вы тут абстрактным искусством любовались, – он кивнул на картину.

Нев против воли тоже посмотрел на нее, но занавешенная тканью, она уже не производила такого гнетущего впечатления.

– Это Лиля звонила?

Неожиданно серьезный тон Вани заставил Нева обернуться. Лилин брат смотрел на него с отчаянной решимостью, недовольно хмурясь, и это выражение лица было ему настолько несвойственно, что Неву сразу захотелось отвести взгляд в сторону. Что он и сделал.

– Да. Предупреждала, что ужинает со своим старым знакомым, который как-то уже помогал ей собирать информацию.

Боковым зрением он видел, как Ваня кивнул, но при этом продолжал стоять напротив, сверля его взглядом. Нев прикрыл глаза на мгновение, понимая, что так не может продолжаться вечно. В конце концов, они оба взрослые люди и могут просто поговорить.

– Если вы хотите мне что-нибудь сказать, – он заставил себя посмотреть Ване в глаза, – то говорите. Обещаю не проклинать немотой.

Ваня криво усмехнулся, но тут же снова посерьезнел.

– Я вам так скажу, Нев. Вы мне всегда нравились. Да, я порой подшучивал над вами, но всегда уважал. Эти ваши шуры-муры с Ангелами меня, конечно, немного напрягают, но не пугают. Пока от них больше пользы, чем вреда. И

стряпня мне ваша нравится, и поговорить с вами порой интересно.

Он замолчал, заметив осторожную улыбку на губах Нева, как будто не решаясь продолжить. Нев подтолкнул его:

- Но?

- Но мне не нравятся ваши отношения с моей сестрой, - продолжил Ваня. И после того, как первые очевидные слова были произнесены, дальше его речь полилась увереннее: - Я буду называть вещи своими именами: вы слишком старый для нее. Сколько вам, шестьдесят?

- Пятьдесят пять, - поправил Нев.

- Да хоть бы и так. Понимаете, наш отец, будь он жив, сейчас был бы вашим ровесником. Двадцать два года - это чертовски много. Я не знаю, что она находит в вас сейчас, но, очевидно, вы кажетесь ей достаточно привлекательным, а что будет через пять лет? Или через десять? Как вы вообще все это себе представляете? А дети?

- Я думал, вы не готовы стать дядей, - не удержался Нев.

- Да при чем тут я? Вы-то готовы стать отцом? Не поздновато ли собрались?

Нев покачал головой и неожиданно для самого себя рассмеялся. Он так боялся этого разговора, но вот он состоялся, а ничего страшного не произошло. Ваня не сказал ему ничего нового. Нев думал, что ему будет стыдно, но вместо этого испытал странную легкость.

- Вы правда думаете, что я всего этого не знаю? - спросил он, глядя на озадаченного Ваню с улыбкой. - Или что я этого не осознаю? Я прекрасно умею считать и понимаю, что двадцать два года - это очень много. И понимаю, что через пять лет я буду еще менее интересен женщине вроде вашей сестры. Но не думаю, что вам стоит волноваться на этот счет. Все закончится раньше. Не будет странной свадьбы, и детей тоже не будет. Эти отношения не продлятся долго. Они возникли под влиянием момента, и я полагаю, Лиля скоро очнется и поймет все то, что для нас с вами очевидно. Пять лет? - он грустно усмехнулся. - Я не

думаю, что у меня будет даже пять месяцев.

Теперь Ваня казался немного растерянным и обескураженным, и это выражение на его лице пугало еще больше.

– Тогда зачем все это?

– Затем, что даже один день рядом с ней для меня имеет больше смысла, чем вся предыдущая жизнь. И каждый из них я буду помнить до самого конца.

Ваня уже открыл рот, собираясь съязвить по этому поводу, но в последний момент что-то во взгляде Нева остановило его. Он стиснул зубы, горестно вздохнул, махнул рукой и повернулся к выходу.

– Ладно, идемте. Все с кем-то едят, я бы тоже подкрепился. Как насчет пиццы?

Больше они в тот день об этом не говорили. И хотя разговор прошел совсем не так, как каждый из них ожидал, и Нев, и Ваня оказались им одинаково удовлетворены.

30 апреля 2015 года, 18.05

ресторан «Строганов Стейк Хаус»

Конногвардейский бульвар

Лиля опоздала на пять минут, и Дима уже ждал ее, как всегда с шикарным букетом темно-бордовых роз на длинных толстых стеблях. Он сидел за столиком у окна, с чашкой кофе в руках, сам не менее шикарный, чем небрежно брошенные на стол цветы: высокий, светловолосый, с уверенной улыбкой на губах и нахальным взглядом из-под полуопущенных ресниц. Лиля на миг представила себя рядом с ним, понимая, что они были бы действительно красивой парой, но тут же отбросила эти мысли.

– Лилечка, прекрасно выглядишь!

Она в последний момент умудрилась изящно отвернуться, и его поцелуй пришелся в щеку, а не в губы, куда он изначально целился. Лиля поймала на себе пару завистливых взглядов, победно улыбнувшись в мыслях. Она с детства была красавицей, с юности привлекала к себе взгляды мужчин, никогда не страдала комплексом неполноценности, но все равно любила получать подтверждение того, что другие женщины ей завидуют. Ей никогда по-настоящему не нравились такие мужчины, как Дима. Она могла поддаться их самоуверенности и обаянию, закрутить роман, но действительно влюбиться, так, чтобы забыть о себе, – едва ли. Она не теряла от них голову, поэтому с легкостью могла использовать в своих целях.

– Так что ты узнал? – поинтересовалась она, бросив сумочку на соседний стул и позволив Диме сначала снять с нее пальто, а затем помочь сесть.

– Может быть, мы хотя бы заказ сначала сделаем? – он кивнул на меню, которую вышколенный официант положил перед ней.

– Насколько я помню, здесь были чудесные стейки, – не заглядывая в него, отозвалась Лиля. – Филе-миньон средней прожарки, к нему какой-нибудь легкий овощной салат. Вино на твой вкус.

Пока официант принимал заказ, ставил цветы в воду и раскладывал приборы, Лиля позволила Диме болтать о всякой ерунде, делать себе комплименты и звать на незабываемые отдыхи, что он всегда любил, но как только молодой человек отошел от их столика, снова напомнила о деле.

– Тебе бы в первую очередь обо всяких маньяках и призраках, – страдальчески вздохнул Дима, затем вытащил из сумки небольшую папку и передал ей. – Тут все сведения, что я нашел, но если кратко: ничего интересного там не происходило. Дому пятьдесят пять лет, поэтому, естественно, за это время там кто-то умирал. Но в основном люди в возрасте: инфаркты, инсульты и все такое прочее. Молодежь, конечно, тоже бывала, но везде естественные причины либо несчастные случаи. Из самого необычного: в девяносто девятом с седьмого этажа шагнула девушка, но и у той была шизофрения. Может, конечно, ее и злые духи с балкона столкнули, но эксперты склонялись к голосам в голове. В папке есть копия заключения, если ты мне не веришь, – Дима кивнул в сторону

стула напротив, куда Лиля положила папку. – Сам дом построен на обычном пустыре, никаких тайных захоронений под ним нет. В последние годы в нем начали сдавать квартиры, поэтому контингент периодически меняется, кто-то спокойный, кто-то буйнит, все как везде. Ничего из ряда вон, что могло бы привлечь внимание такой компании, как ваша.

Им пришлось снова ненадолго прерваться, поскольку официант как раз принес вино и заказанную еду. Дима тут же воспользовался паузой, чтобы перевести разговор на другую тему, но Лиля была непоколебима.

– А что с той квартирой, про которую я просила узнать подробнее?

Дима несколько долгих секунд смотрел на нее, а затем внезапно сказал:

– Больше никакой информации, пока не выпьешь.

– Дима!

Он сжал губы в тонкую нитку и провел по ним пальцами, словно закрывая на замок.

– Ты невыносим, – Лиля улыбнулась, а он лишь пожал плечами.

Она коснулась своим бокалом краешка его бокала и сделала осторожный глоток. Вино оказалось терпким, приятным на вкус. Лиля поставила бокал на стол, но Дима все еще изображал из себя глухонемого, лишь качая головой. Лиля снова улыбнулась и залпом выпила полбокала.

– Другое дело, – тут же расплылся в довольной ухмылке ее собеседник. – Значит, квартира. Ты ешь, ешь, а то остынет.

Лиля не стала противиться. Мясо выглядело соблазнительно, было приготовлено именно так, как она любит, и она подумала, что следует прийти в это место с Невом. Когда-то она была здесь, когда приезжала в Питер по делам, и почти успела забыть, как вкусно здесь готовят.

– Квартира эта раньше была двумя квартирами, как ты понимаешь. Нижнюю сразу после постройки дома получили инженер и учительница с двумя детьми, верхняя некоторое время принадлежала Союзу художников, а потом ее купил какой-то писатель, так и умерший в неизвестности. Инженер и учительница скончались в середине девяностых, в их квартире остался сын. Он был одним из тех, кто круто взлетел в девяностые, выкупил верхнюю квартиру – к тому времени писатель уже ушел в мир иной – соединил их в одну, пристроив лестницу, чтобы не нужно было каждый раз выходить на площадку. Уж не знаю, что он собирался там делать: не то бальный зал, не то футбольное поле, но жалоб от соседей было – бывший участковый до сих вспоминает не хочет. Говорит, он там дневал и ночевал. Но потом братка убили, квартира осталась его жене и детям. В начале прошлого года ее купила молодая пара: женщина работает риэлтором, провернула крутую сделку, хватило денег на эту квартиру. Муж был фотографом, в верхней части устроил студию. По информации уже нового участкового, пил страшно, скончался от инсульта в ноябре две тысячи четырнадцатого. То есть даже года там не прожил. После него квартиру купила... – Дима вдруг осекся и снова посмотрел на Лилин бокал, в который официант успел незаметно долить вина. – Предлагаю выпить снова, иначе дальше информацию не получишь.

Дальше Лиля информацию уже знала, однако от вина отказываться не стала.

– Ты меня напоить хочешь? – поинтересовалась она, поднося бокал к губам.

– Может быть, пьяная ты будешь сговорчивее? – улыбнулся Дима.

Лиля только хмыкнула в ответ.

– Вот я мужу расскажу, как ты меня спаивал и утаивал важную информацию, и он превратит тебя в жабу.

– Мужу? – Дима покосился на ее правую руку, в которой она держала бокал, и усмехнулся, не найдя на ней обручального кольца. – А кто же у нас муж?

– Волшебник.

Дима поднял руки и покорно склонил голову.

– Тогда не смею дальше настаивать. В общем, ныне эта квартира принадлежит Екатерине Эдуардовне Ляшиной, единственной и любимой дочери Эдуарда Александровича Ляшина, депутата Государственной Думы и весьма могущественного человека. Дочурка уродилась творческой личностью, молодой талантливый художник, в восемнадцать лет вместе с парочкой друзей приехала из Москвы в город белых ночей и спившихся интеллигентов, да так тут и осталась. Ну что? – Дима наклонился к ней ближе и накрыл ее руку, лежавшую на столе, своей ладонью, специально поглаживая то место на безымянном пальце, где замужние женщины носят обручальное кольцо. – Я порадовал тебя информацией, моя непокорная королева?

– Ну, предположим, про Ляшину я знала, – не удержалась Лиля. – А все остальное было весьма занимательно. Меня распирает любопытство, откуда ты все это узнал?

Он улыбнулся.

– Лилечка, как ты думаешь, что самое главное в жизни?

Она покосилась на его руку, которая так и лежала поверх ее собственной.

– Любовь?

– Глупые романтические мысли. Любовь приходит и уходит.

– А кушать хочется всегда, – пробормотала Лиля. – Деньги?

– А завтра ты поставишь не на ту лошадь, и нет у тебя больше денег.

– Тогда что же?

Дима поднес ее руку к губам и поцеловал центр ладони, а затем аккуратно вернул на стол.

– Самое главное в жизни, Лилечка, это друзья и знакомые. Чем больше у тебя знакомств, тем больше возможностей быстро и безболезненно раздобыть нужную информацию. А это и деньги, и власть, и любовь, и все такое прочее.

- Следуя твоей логике, друзья могут предать.

- Для этого у тебя голова на плечах: выбирать правильных друзей и не доверять им больше, чем нужно.

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент завибрировал и медленно пополз по столу его мобильный телефон. Дима мельком взглянул на него, тут же перевернул экраном вниз и снова повернулся к Лиле.

- Так что насчет...

Лилия не дослушала. Потянулась к его телефону и снова перевернула экраном вверх.

- Жена? - медленно и тягуче прочитала она имя абонента. - Вот так сюрприз, Дмитрий Решетников. У вас есть жена?

Дима откинулся на спинку стула, бросив недовольный взгляд на телефон, а затем повернувшись к Лиле все с той же неизменной нахальной ухмылкой.

- У тебя муж - волшебник, а у меня жена - ведьма. Мы были бы прекрасной парой, ты не находишь?

- И как давно ты женат?

- Семь лет. Но ради тебя я разведусь хоть завтра.

Лилия медленно поднялась, сняла с вешалки пальто, оделась, чувствуя, как Дима следит за ней взглядом, но не делает ни единой попытки встать и помочь. Затем взяла со стула сумочку, принесенную им папку, наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

- Спасибо за информацию, Решетников. Я тебе позвоню, если мне еще что-то понадобится.

- Всегда рад, - пробормотал он, но уже далеко не так самоуверенно, как раньше.

30 апреля 2015 года, 19.50

Средний проспект В.О.

Саша сама не знала, к какому выводу хочет прийти после просмотра всех медицинских карточек, которые ей прислал отец Катерины. С одной стороны, ей не хотелось в итоге выяснить, что у девушки просто-напросто начинается какое-то психическое заболевание, с другой – иногда казалось, что уж лучше болезнь, которую можно корректировать лекарствами, чем действительно преследующая потусторонняя сущность. Саша еще помнила, каково оказаться на месте жертвы этой сущности. Каждый раз, думая об этом, она невольно крутила в руках кулон, который сейчас не прятался под одеждой, а спокойно свисал на длинной цепочке, ложась на бумагу каждый раз, когда она наклонялась над очередной распечаткой.

Господин Ляшин прислал не только медицинскую карту самой Кати, но и свою, и ее матери, и всех ближайших родственников, включая бабушек и дедушек. Саше нравился такой подход, а сам Ляшин вызывал уважение, хотя политиков она искренне не любила, да и самого Ляшина побаивалась, понимая, что он в любой момент может размазать их по стенке за одно неверное движение. И раз у него есть возможность решить их проблему с ЗАО, значит, он как минимум знал об этой организации раньше. Знал и ничего не сделал.

Однако он не стремился с пеной у рта доказывать, что его дочь не сумасшедшая, не утверждал, что призраков и демонов не существует, а потому как заказчик Сашу вполне устраивал. Он просто предоставил всю имеющуюся информацию и попросил разобраться.

Информации оказалось так много, что Саша устала читать ее с экрана ноутбука почти сразу, поэтому теперь по всей небольшой гостиной ее квартиры были аккуратно разложены, пронумерованы и подписаны распечатанные на принтере листы бумаги. Кроме них, на полу лежали три толстых справочника по психиатрии, к которым Саша периодически прибегала за помощью.

Толстым желтым маркером она отмечала любые упоминания о наследственных болезнях, а также о симптомах, которые могли на них указывать, сверялась с энциклопедиями, что-то вычеркивала, что-то оставляла. Работа была кропотливая, но увлекательная. У самой Кати ей пока не удалось обнаружить ничего интересного. Она родилась на редкость здоровым ребенком, развивалась по возрасту, прививки получала в срок и до детского сада к врачу ходила лишь на профилактические осмотры. В саду, как и любой ребенок, болела простудами и гриппом, но опять же ничего подозрительного Саша не нашла. Основная группа по физкультуре и даже два года в секции фигурного катания. Этот факт Сашу заинтересовал, поскольку в таком спорте нередки падения и удары головой, но Эдуард Александрович Ляшин заверил ее, что никаких серьезных травм Катя не получала. Поначалу Саша переправляла все возникающие вопросы Войтеху, тот связывался с заказчиком и передавал его ответы ей, но вскоре тот сам предложил, чтобы Саша писала ему напрямую. Отвечал он быстро и лаконично, что еще раз дало ей понять, насколько он заинтересован в правильном расследовании.

Самой интересной находкой за несколько часов работы стала гибель матери Кати. Когда девочке было всего два года, та выпала из окна восьмого этажа. Катя в этот момент находилась дома. Ляшин написал Саше, что это был несчастный случай, его жена мыла окна и не удержалась на скользком подоконнике, а Катя в этот момент спала и проснулась лишь тогда, когда он сам, после звонка милиции, открыл квартиру. Все, конечно, могло быть и так, но что если это был не несчастный случай, а самоубийство? Мать Кати могла страдать каким-то психическим заболеванием, на которое вовремя не обратили внимания, покончила с собой, а теперь оно начало проявляться и у Кати. Отсюда и странные видения, и пугающие картины. Либо же это действительно был несчастный случай, но девочка все видела. Ввиду возраста не испугалась сразу, но отпечаток на психике получила, и теперь расплывается. Даже если не отметить потустороннюю версию, то давно известно, что полтергейсты лучше цепляются к тем, кто пережил серьезные психологические травмы, к инвалидам и просто травмированным морально людям. Саша сделала себе мысленную пометку обсудить это с группой.

До начала белых ночей оставалось еще около месяца, поэтому за окном уже начали сгущаться сумерки, когда Саша наконец дочитала последние страницы и захлопнула толстый справочник. Все это время она сидела на полу, сгорбившись над распечатками, а потому спина отозвалась острой болью, стоило ей только выпрямиться. Держась за стол, она поднялась на ноги, чтобы пойти на кухню и поставить чайник, но звонок в дверь отвлек ее. На пороге неожиданно оказался

Войтех с большой коробкой в руках и неловкой улыбкой на губах.

- Ты разве не с Катей в ресторане? – удивилась Саша.

- У нее на вечер назначены какие-то дела, поэтому мы не ужинали, а обедали, и уже закончили, – пояснил Войтех, так и стоя на пороге.

Саша посторонилась, пропуская его в квартиру. Она не ожидала, что он придет. После того, как он проигнорировал ее предложение о диване в гостиной, думала, что встречаться они теперь будут исключительно в снятой им квартире. По крайней мере, пока длится расследование.

- Что в коробке? – поинтересовалась она, когда Войтех поставил ее на комод и принялся раздеваться.

- Еда.

- Еда? Ты же только что из ресторана.

- Во-первых, не только что, а во-вторых, это тебе. Когда ты ела в последний раз?

Он многозначительно посмотрел на усеянный листами бумаги пол в гостиной. Саша не сдержала улыбку. Он хорошо знал, как она умеет увлекаться.

Саша взяла коробку, в которой оказалось несколько коробочек поменьше из японского ресторана неподалеку, и прошла с ней на кухню.

- Ты будешь есть со мной? – громко спросила она.

- Я же только что из ресторана, – насмешливо напомнил Войтех.

- Во-первых, не только что, – с улыбкой передразнила его Саша, – а во-вторых, ничего не знаю, там ты был с другой девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/obuhova_natal-ya/illyuzii-chistogo-holsta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)